

КНИГА ПЕРВАЯ

МИР ГИГАНТОВ

МАРГАРИТА КИРОВА

Маргарита Кирова

Мир гигантских мужчин

<https://litres.ru/73981626>

SelfPub; 2026

Аннотация

После прыжка в водопад фельдшер Ангелина оказывается в Лорне – мире гигантов, войны и древней магии. Её дар исцеления способен спасти чужую страну, но каждое прикосновение имеет цену. А рядом – Кейрон, суровый воин, с огромным, и слишком притягательный, чтобы просто сбежать. Чтобы вернуться домой, Ангелине придётся выбрать: прежнюю жизнь или мужчину, ставшего её судьбой.

Содержание

ПРОЛОГ. ТРИ СЕКУНДЫ СВОБОДНОГО ПАДЕНИЯ	4
ГЛАВА 1. РАЗМЕР ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ	11
ГЛАВА 2. ФОРТ НА КРАЮ МИРА	21
ГЛАВА 3. СЛОВАРНЫЙ ЗАПАС ВЫЖИВАНИЯ	33
ИНТЕРЛЮДИЯ. КЕЙРОН	43
ГЛАВА 4. ЗНАХАРКА ИЗ ДЕРЕВНИ КОРА	46
ГЛАВА 5. ЧТО ТАКОЕ ВОЙНА	65
ГЛАВА 6. ПРАВИЛА ФОРТА	78
ГЛАВА 7. ЛЕГЕНДА О МАЛЫХ ПОСЛАННИКАХ	91
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЗАПАХ ВОЙНЫ	110
ГЛАВА 8. МАРШ	111
ГЛАВА 9. ПЕРВАЯ КРОВЬ	126
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Маргарита Кирова

Мир гигантских мужчин

ПРОЛОГ. ТРИ СЕКУНДЫ СВОБОДНОГО ПАДЕНИЯ

Лена была права.

Самое обидное, что я поняла это уже в воздухе.

То есть в тот самый момент, когда спорить с Леной было поздно, ругаться с Димой было бессмысленно, а разворачиваться обратно к нормальной жизни – технически невозможно. Я летела вниз, в белую ревущую воду, волосы били по лицу, ремешок рюкзака съехал с плеча, и мой мозг зачем-то зацепился именно за него.

Не за смерть.

За рюкзак.

Паспорт там. Телефон. Деньги. Пачка мятной жвачки, купленная в аэропорту за такие деньги, будто ее лично жевала королева Англии.

Если рюкзак сорвется, будет совсем глупо, подумала я.

А потом добавила мысленно:

Лина, ты вообще-то падаешь с водопада.

Отлично. Спасибо, мозг. Очень своевременно.

Вода внизу казалась неправильной. На туристических фото водопады выглядят красиво: пена, камни, брызги, девушка в ярком дождевике делает вид, что ей весело и совсем не холодно. Здесь все было иначе. Белый свет шел изнутри воды, будто реку подсветили снизу прожекторами. Или будто кто-то расплавил луну и вылил ее в ущелье.

Красиво.

Ужасно.

Вообще не то, куда нормальный человек прыгает за исполнением желания.

Впрочем, нормальным человеком я перестала быть минуту назад, когда сама полезла за ограждение.

– Местная традиция, – сказал гид вчера вечером. – Прыгнешь с нижнего уступа, загадаешь желание. Если Аурис примет, желание исполнится.

Он говорил это легко, с тем самым кавказским спокойствием, от которого кажется, будто горы стоят вокруг специально для него, а не наоборот. Я тогда еще переспросила:

– А если не примет?

Гид посмотрел на меня как на человека, который решил испортить красивую легенду медицинской статистикой.

– Кто боится, не прыгает.

Надо было бояться.

Я обычно так и делаю. Я человек, который проверяет срок годности у таблеток, читает инструкцию к антибиотикам до конца и хранит запасной пауэрбанк в боковом кармане сум-

ки. Я фельдшер скорой помощи, а не героиня рекламы йоги на фоне гор. В моей жизни слово «экстрим» обычно означало бабушку с давлением двести двадцать и родственников, которые орали, что мы приехали слишком поздно, хотя вызов поступил три минуты назад.

Но три недели назад Дима сказал:

– С тобой невозможно отдыхать. Ты живешь так, будто всегда готовишься к экзамену.

Мы стояли на кухне, он собирал свои вещи в спортивную сумку, а я почему-то смотрела на носок с дыркой, который торчал из бокового отделения. Глупо было обижаться на носок, но именно он меня добил. Я два года жила с человеком, который не мог выкинуть дырявые носки, зато спокойно выкинул меня из своей жизни фразой: «Ты слишком серьезная».

– А ты слишком веселый для мужчины, которому двадцать семь, – сказала я тогда.

Дима обиделся. Очень. Будто это я собрала сумку, а не он.

Лена, моя подруга, выслушала всю историю по телефону и вынесла диагноз:

– Тебе нужен отпуск. Одна. Без бывшего. Без смен. Без твоего вечного «а вдруг кому-то плохо». Тебе, Лина, надо хотя бы раз сделать что-нибудь идиотское.

– Я идиотского не делаю.

– Вот именно. Поэтому тебе и надо сделать хоть что-нибудь не по плану.

Так я оказалась в горах. Одна. В чужой стране. В куртке, которая промокла уже на второй день. С рюкзаком, куда влезало все нужное и половина ненужного. С телефоном, полным фотографий камней, еды и собственного лица, на котором я пыталась выглядеть свободной.

Получалось плохо.

Свобода, как выяснилось, вообще плохо держится на лице, если человек привык все контролировать.

А потом был водопад Аурис.

Нижний уступ.

Несколько туристов, которые уже прыгнули и выбрались на берег мокрыми, счастливыми и ужасно довольными собой. Гид махнул мне рукой. Лена в виде голосового сообщения в телефоне сказала: «Если не прыгнешь, я буду смеяться над тобой до пенсии». Дима в голове сказал: «Ты все равно не сможешь».

И вот я шагнула.

Смогла, Дим.

Надеюсь, ты доволен, придурок.

Воздух кончился раньше, чем падение. Тело сжалось, горло перехватило, и я успела подумать еще одну гениальную мысль: а желание я так и не загадала.

Серьезно?

Я прыгнула с водопада ради желания и забыла желание?

Вода ударила в меня не холодом.

Теплом.

Как будто я влетела не в горную реку, а в чью-то живую ладонь. Свет сомкнулся над головой, густой, белый, почти розовый у краев. Я не захлебнулась. Не ударилась о камни. Не сломала шею, что уже можно было считать неплохим развитием событий.

Потянуло не за тело – за что-то глубже, будто крючок зацепил не кожу и мышцы, а самую сердцевину внутри груди.

В груди щелкнуло.

Будто кто-то нажал кнопку.

Я увидела свои руки. Они светились под водой. Слабым розовым светом, который расползлся между пальцами тонкими нитями. Я бы испугалась, но на испуг не хватило времени. В голове зашумело, свет стал слишком ярким, и я вдруг услышала голос.

Не мамин.

Не Ленин.

Чужой.

Низкий. Глухой. Такой голос мог бы принадлежать человеку, который не спрашивает дважды.

Слова были непонятные.

А потом стало темно.

* * *

Первым вернулся запах.

Мокрая земля. Хвоя. Дым. Железо. И что-то сладковатое, незнакомое, будто кто-то раздавил в ладони траву, которой в моем мире не было и быть не могло.

Я лежала на чем-то жестком и теплом. Не на земле. Под щекой была грубая кожа, пахнувшая дымом и потом. Одежда липла к телу. Волосы прилипли ко лбу. В правом кроссовке хлюпала вода.

Жива.

Это была хорошая новость.

Наверное.

Я открыла глаза.

И увидела колено.

Огромное колено в темной кожаной штанине. Оно находилось прямо перед моим лицом и было примерно размером с небольшую табуретку. Я моргнула. Колено никуда не делось.

Я медленно подняла взгляд выше.

Бедро.

Пояс с металлической пряжкой.

Рука на рукояти меча. Пальцы такие, что мое запястье рядом с ними выглядело бы спичкой.

Грудь в кожаном доспехе.

Шея.

Лицо.

Мужчина смотрел на меня сверху вниз.

Очень сверху.

У него были темно-медные волосы, стянутые на затылке, сломанный нос и глаза цвета янтаря, в котором застрял огонь. На лице не было ни улыбки, ни удивления, ни чело-

веческого «ой, бедная девушка, вы упали с водопада». Он смотрел так, будто нашел в лесу неизвестный вид опасной зверушки и пока решал: накрыть плащом или пристрелить.

Я лежала у него в ногах.

В мокрой футболке.

С одним хлюпающим кроссовком.

И, кажется, в другом мире.

– Добро пожаловать в мой кошмар, – подумала я.

Потом, как приличный человек, снова потеряла сознание.

ГЛАВА 1. РАЗМЕР ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ

Во второй раз я пришла в себя от того, что кто-то трогал мое запястье.

Очень осторожно. Двумя пальцами.

С такой осторожностью обычно берут птицу со сломанным крылом или чужой телефон без чехла.

Я резко дернулась и села.

Зря.

Мир качнулся, лес разъехался в стороны, желудок сообщил, что в ближайшие секунды готов обсудить со мной все завтраки последних трех дней. Я вцепилась пальцами в край кожаного плаща, на котором лежала, и зажмурилась.

– Тихо, тихо, – сказала я себе по-русски. – Дышим. Сначала дышим, потом паникуем. Все по порядку.

Кто-то рядом произнес незнакомую фразу.

Я открыла один глаз.

И поняла, что паника, возможно, уже стояла в очереди и устала ждать.

Вокруг меня были люди.

Наверное, люди.

Очень большие люди.

Один сидел на камне, и даже сидя был выше меня. Дру-

гой стоял рядом с деревом, которое само по себе выглядело так, будто его выращивали для декораций фильма про богов. Третий держал лошадь под уздцы, и лошадь была такой огромной, что рядом с ней я почувствовала себя не то ребенком, не то недоразумением. У всех мужчин были мечи, кожаные доспехи, широкие плечи и лица людей, которые с утра не планировали находить мокрую девушку у водопада.

Понимаю.

Я тоже не планировала.

Главный – тот самый, с янтарными глазами, – сидел на корточках передо мной. Даже так он казался неприлично большим. Его колено было почти на уровне моей груди. Я сидела, завернутая в чужой плащ, мокрая, злая и совершенно не готовая к тому, что чьи-то пальцы будут толщиной с мой большой палец.

Он что-то сказал.

Голос был низкий. Спокойный. Слишком спокойный для человека, который только что нашел у водопада непонятную женщину в туристических шортах.

– Я вас не понимаю, – сказала я.

Он нахмурился.

– Русский? – на всякий случай спросила я. – English? Грузинский? Хоть что-нибудь из пакета «турист без языковых талантов»?

Он посмотрел на меня так, будто я зашипела.

Отлично. Язык не совпал.

Большие люди переглянулись. Рыжий парень с веснушками – он стоял чуть поодаль и явно с трудом удерживался от комментариев – сказал что-то главному. По интонации я бы поставила на: «Командир, это вообще что?»

Главный не оценил юмор. Или оценил внутри, очень глубоко, где у него, возможно, лежали и другие человеческие функции.

Я медленно огляделась.

Лес был не грузинский. Это я поняла сразу, хотя специалистом по грузинским лесам не была. Но нормальные деревья не должны быть такими. Ствол ближайшего дерева был таким толстым, что за ним спокойно спряталась бы я вместе с рюкзаком и всеми своими плохими решениями. Папоротники доходили мне до плеча, хотя я сидела. В траве шевелились синие мошки, похожие на искры. Небо между ветками было бледное, утреннее, а в нем висели две луны.

Две.

Я закрыла глаза.

Открыла.

Луны остались.

– Так, – сказала я. – Галлюцинация. Сон. Черепно-мозговая травма. Эксперимент. Розыгрыш. Параллельный мир. По убыванию вероятности, Лина. Работаем.

Рыжий парень наклонился ко мне ближе. Слишком близко. Его веснушчатое лицо оказалось прямо перед моим, огромное, искренне заинтересованное. Он улыбнулся.

Очень дружелюбно. Очень широко.

Я шарахнулась назад и уперлась спиной в корень дерева.

Он тоже отпрянул, будто я его укусила.

Вокруг раздался смех.

Громкий, низкий, мужской. Кто-то даже хлопнул рыжего по плечу так, что тот едва не сел в траву. Рыжий возмущенно что-то сказал, потряс рукой, потом снова посмотрел на меня и виновато развел ладони.

Я бы, может, тоже засмеялась.

Если бы не была мокрой, потерянной и в компании великанов с мечами.

Главный не смеялся. Но в уголке его губ что-то дрогнуло. На секунду. Так быстро, что я почти решила: показалось.

Он поднялся.

Вот тут стало по-настоящему плохо.

Потому что он поднимался долго.

Сначала плечи ушли вверх. Потом грудь. Потом голова оказалась так высоко, что мне пришлось задрать подбородок. Он был огромный. Не «высокий парень из волейбольной команды». Не «баскетболист». Нет. Этот человек был почти три метра роста, и рядом с ним мой метр шестьдесят выглядел как ошибка масштаба.

Я сглотнула.

Он заметил.

Конечно, заметил. У него были глаза человека, который замечает все неприятное и делает выводы.

Он сказал что-то короткое, и один из мужчин ушел к лошадям. Вернулся с плащом. Точнее, с чем-то, что у них называлось плащом, а у меня дома могло бы работать палаткой для двоих, да еще и с местом под обувь.

Мужчина протянул его главному.

Главный присел передо мной снова и показал на мокрую футболку, потом на плащ. Вопросительный взгляд.

Я опустила глаза.

Футболка прилипла к телу. Шорты тоже. С волос капала вода. В целом выглядела я как человек, который проиграл спор с водопроводом.

– Спасибо, – сказала я и осторожно взяла плащ.

Он отпустил не сразу. На миг наши пальцы оказались рядом – мои тонкие, белые от холода, его загорелые, с короткими ногтями и старым шрамом поперек костяшек. Он посмотрел на мои руки. Я – на его.

Зачем-то стало неловко.

Я завернулась в плащ. Плащ немедленно поглотил меня до подбородка. Где-то сбоку рыжий издал звук, очень похожий на подавленный смешок.

Главный резко повернул голову.

Рыжий стал серьезным. Почти. У него левая щека все равно дергалась.

– Очень смешно, – сказала я по-русски. – Надеюсь, у вас тут есть место, где выдают одежду не на мамонтов.

Рыжий радостно кивнул, будто понял хотя бы интонацию.

– Нет, – сказала я автоматически.

Он повторил:

– Ньет.

Я моргнула.

Рыжий просиял. Показал на меня, потом на себя, потом снова сказал:

– Ньет.

Великолепно. Первый культурный обмен состоялся. Я научила гиганта слову «нет». Очень в моем стиле.

Главный что-то приказал.

Отряд задвигался. Мужчины проверили лошадей, затянули ремни, кто-то поднял мой рюкзак. Я тут же дернулась.

– Это мое.

Я не знала, поняли ли меня, но выражение лица у меня, видимо, получилось достаточно международным. Мужчина, державший рюкзак двумя пальцами за лямку, осторожно протянул его мне. Я прижала рюкзак к груди. Паспорт, телефон, деньги и жвачка были на месте. Телефон, разумеется, не включался. Вода победила цивилизацию.

Главный показал на дорогу – едва заметную тропу между деревьями – и на себя. Потом на меня.

Идти.

Ну конечно.

Куда? Зачем? В гости к огромным людям, которые носят мечи и не знают английского? Замечательный план. Прямо туристическая программа «Грузия, которую вы не ожи-

дали».

Один из солдат присел рядом и похлопал себя по плечу. Он явно предлагал меня понести.

На плече.

Как ребенка.

– Нет, – сказала я очень четко.

Рыжий тут же радостно повторил:

– Ньет!

Солдаты снова засмеялись.

Я выбралась из плаща настолько, чтобы встать. Получилось не с первой попытки: ткань путалась в ногах, мокрые кроссовки скользили, голова слегка кружилась. Главный чуть подался вперед, будто хотел подхватить. Я выставила ладонь.

– Сама.

Он остановился.

Он не обиделся и даже не нахмурился сильнее, хотя, честно говоря, сильнее было уже трудно. Отступил на полшага и дал мне место.

Это я оценила.

Внутри все еще трясло. Но руки я держала ровно. Профессиональная привычка. На скорой можно бояться, можно ругаться про себя, можно потом реветь в туалете больницы, но в моменте руки должны быть ровными. Руки – это то, что у тебя есть, когда все остальное пошло к черту.

Мы пошли.

Точнее, они пошли, а я старалась не отстать.

Один шаг главного равнялся примерно трем моим. Он шел впереди, не оборачиваясь. Казалось, ему вообще все равно, жива ли я там за спиной или уже погибла в зарослях травы. Но стоило тропе стать круче, он внезапно замедлялся. Незаметно для остальных. Только я замечала, потому что изо всех сил изображала гордость на мокрых ногах.

Рыжий шел рядом.

Он показывал на себя.

– Бо-рас, – сказал он.

– Борас? – повторила я.

Он кивнул так энергично, что веснушки на лице будто подпрыгнули.

Потом ткнул пальцем в главного.

– Кей-рон.

Главный даже не обернулся.

– Кейрон, – повторила я.

Имя легло на язык странно. Твердо. Слишком серьезно для человека, который тащил на себе столько молчания.

Борас показал на меня.

– Ангелина, – сказала я. Потом, подумав, добавила: – Ли-на.

– Ли-на, – старательно повторил он.

– Да.

– Да, – повторил Борас и засмеялся. Видимо, второе русское слово ему тоже понравилось.

Так мы и шли: я, мокрая попаданка с выключенным телефоном; Борас, счастливый обладатель слов «нет» и «да»; и Кейрон, огромный командир, который делал вид, что мы его не раздражаем.

Хотя я почти уверена – раздражали.

Лес вокруг становился светлее. Где-то впереди шумела вода. Водопад. Тот самый. Я обернулась.

Между деревьями мелькнула белая стена Ауриса. Вода падала с высоты, рассыпалась брызгами, сияла в утреннем свете совершенно обычной водой. Никакого портала, никакой магии, никакого «извините, произошла ошибка, верните девушку обратно».

Я остановилась на секунду.

В груди неприятно кольнуло.

Дом остался там.

Мама осталась там.

Лена осталась там.

Дима, в принципе, тоже, но его можно было оставить без сожаления.

Кейрон обернулся. Посмотрел не на водопад – на меня.

Я быстро отвернулась и пошла дальше.

– Нормально, – сказала я себе. – Все нормально. Ты жива.

Это уже неплохая стартовая позиция.

Борас что-то спросил. Я не поняла. Он показал на водопад, потом на меня, потом изобразил руками падение. Очень драматично. Даже слишком.

– Да, – сказала я. – Упала. Спасибо, что напомнил.

– Да, – радостно подтвердил Борас.

Я не выдержала и фыркнула.

Впервые за все утро мне стало не страшно секунд на пять.

Потом впереди между деревьями открылся вид на каменный склон, дорогу, уходящую вниз, и дальние стены форта. Огромные, серые, врезанные в скалу. Ворота там были такой высоты, что через них, наверное, мог бы пройти дом. Маленький дом. Скромный.

Я остановилась.

– Лена, – сказала я тихо, глядя на этот невозможный мир, – если ты это каким-то образом видишь, ты была права насчет воды.

А потом добавила уже без юмора:

– Только забрать меня отсюда ты все равно не сможешь.

ГЛАВА 2. ФОРТ НА КРАЮ МИРА

До форта мы шли два часа.

Я знаю, потому что первые двадцать минут пыталась считать шаги, потом сбилась, потом стала считать, сколько раз Борас произнес слово «нет», потом мысленно уволила себя с должности человека, который пытается сохранить спокойствие.

Спокойствие уволилось само.

Дорога петляла между деревьями, камнями и зарослями травы, которая доходила мне почти до пояса. Для местных это, видимо, был обычный приятный лес. Для меня – декорация к фильму, где главную героиню случайно уменьшили и забыли вернуть обратно.

Цветы здесь росли размером с суповую тарелку. Насекомые были слишком крупными для моей нервной системы. Одна птица сорвалась с ветки и пролетела над нами, распахнув крылья метра на полтора. Я пригнулась. Солдаты даже не дернулись.

– У вас тут воробьи тоже размером с курицу? – спросила я у Бораса.

Он с готовностью улыбнулся.

– Да.

– Нет, Борас. Ты не обязан соглашаться со всем, что я говорю.

– Ньет, – сказал он.

– Вот теперь почти правильно.

Он был очень доволен собой.

Кейрон то шел впереди, то садился в седло и ехал рядом с отрядом, иногда останавливаясь, чтобы обменяться короткими фразами с солдатами. Он говорил мало. Остальные слушали. Не потому что боялись – хотя, возможно, и поэтому тоже. В нем было что-то такое, от чего люди вокруг сами становились собраннее. Даже его лошадь рядом с ним будто держалась тише.

Я пыталась не смотреть.

Получалось плохо.

Слишком большой. Слишком молчаливый. Слишком чужой. Его доспехи были поцарапаны в нескольких местах, на левом предплечье темнело старое пятно, похожее на след от ожога. Волосы на затылке стягивал кожаный шнурок. Несколько прядей выбились и падали на шею.

И да, я заметила шею.

В свою защиту скажу: на уровне моих глаз у него было примерно все, кроме лица.

Борас снова что-то сказал. Я посмотрела на него.

Он показал на себя.

– Борас.

– Я помню.

Он показал на Кейрона.

– Кейрон.

– Это тоже.

Потом ткнул пальцем в мою сторону.

– Лина.

– Молодец.

Он широко улыбнулся и сказал длинную фразу, из которой я не поняла ничего, кроме собственного имени. По интонации это могло быть как «приятно познакомиться», так и «мы принесем тебя в жертву на закате». Надеюсь, первое.

Мокрая одежда постепенно высыхала, но холод все равно сидел где-то под ребрами. Я шла в огромном плаще, который приходилось придерживать обеими руками. Пару раз я наступила на край и едва не рухнула лицом в землю. После третьего раза Кейрон остановился, оглянулся и что-то коротко сказал.

Борас виновато развел руками.

Я поняла без перевода: командир велел наконец решить проблему с плащом.

Один из солдат, молодой, с круглыми щеками и очень серьезным лицом, подошел ко мне, присел на корточки и осторожно подвязал края плаща кожаным ремнем. Получилось не модно, зато ходить стало можно. Пока он возился, его меч лежал рядом на земле, и я зачем-то отметила, что рукоять у меча потертая. Как у инструмента, которым часто пользуются.

В моем мире так выглядят хорошие ножницы у фельдшера.

Заточенные. Не для красоты – для дела.

– Спасибо, – сказала я.

Солдат не понял, но улыбнулся. Очень смущенно. И вдруг покраснел.

Он был выше меня почти на метр, а покраснел как мальчишка.

Странно.

Чуть позже я поняла почему.

Для них я выглядела не просто маленькой. Я выглядела невозможной. Девочка? Женщина? Малый народ? Болезнь роста? Храмовый знак? Кто знает. Они косились на меня, потом отводили глаза, потом снова косились. Не зло. Больше с растерянным любопытством, как люди смотрят на кота, который внезапно заговорил человеческим голосом и попросил кофе.

Форт открылся внезапно.

Мы вышли из леса на каменную дорогу, и стены поднялись передо мной серой громадой. Форт Ауриэль стоял на скальном уступе, как будто кто-то когда-то решил вбить крепость прямо в гору и у него получилось. Ворота были выше любого подъезда, который я видела. Над ними ходили стражники. Они тоже были огромные. Конечно. А я уже почти надеялась, что это только утренний отряд такой удачный.

Когда ворота открылись, я невольно остановилась.

Они заскрипели так низко, что вибрация прошла по груди.

– Ого, – сказала я.

Борас с гордостью посмотрел на стены.

– Ауриэль, – произнес он.

– Форт Ауриэль, – догадалась я.

Он кивнул.

Во дворе было человек пятьдесят. Может, больше. Кузница, казармы, конюшня, колодец, тренировочная площадка. Все слишком большое. Молот в руках кузнеца – как кувалда для разрушения домов. Ведра у колодца – как мои чемоданы. Лошади в конюшне – не лошади, а уверенные в себе шкафы с гривами.

И все, абсолютно все, повернулись ко мне.

Вот что я вам скажу: когда на тебя одновременно смотрят пятьдесят мужчин ростом от двух с половиной метров, сохранить достоинство очень трудно.

Но я постаралась.

Выпрямила спину. Подтянула плащ. Подняла подбородок.

Я видела пациентов в куда более странных состояниях. Один мужчина однажды вызвал скорую, потому что застрял головой в детском стульчике. Другой пытался доказать жене, что умеет глотать лампочки. Третий уверял, что у него аллергия на понедельник. Если я пережила это, переживу и двор великанов.

Кто-то присел на корточки, чтобы рассмотреть меня лучше.

Я посмотрела на него в ответ. Профессионально. Холодно.

Он смутился и встал.

Хорошо.

Работает.

Кейрон сказал несколько фраз. Голоса во дворе стихли. Мужчины разошлись, но продолжали смотреть исподтишка. Борас нес мой рюкзак, хотя я пыталась забрать. Он покачал головой, сказал «ньет» и выглядел таким довольным, будто выиграл спор на международном уровне.

Кейрон повел меня в здание у внутренней стены.

Командирская комната оказалась огромной, как зал для совещаний. Стол доходил мне почти до груди. Стул выглядел так, будто на нем можно было спать вдвоем. На стене висели карты. На одной из них я увидела линию гор, реку, какие-то отметки углем. На подоконнике стояла кружка с отколотым краем. Почему-то она меня успокоила. Значит, даже в мире огромных людей кружки тоже бьются. Мелочь, а приятно.

Кейрон сел за стол.

Я осталась стоять.

Он посмотрел на стул. Потом на меня. Потом на стул снова.

Да, я тоже видела проблему.

Если я сяду, ноги будут болтаться в воздухе, а подбородок окажется примерно на уровне столешницы. Допрос получится не очень внушительный.

Борас, спаситель моей гордости, притащил какой-то ящик и поставил рядом со стулом. Я забралась сначала на ящик, потом на стул. Очень достойно. Почти. На середине пути плащ опять зацепился, и я чуть не упала.

Кейрон протянул руку.

Не коснулся.

Его ладонь зависла рядом – на случай, если я сорвусь.

Я села сама.

– Спасибо, – буркнула я, хотя он не понял.

Он достал лист плотной сероватой бумаги. Угольный карандаш. Нарисовал горы.

Я насторожилась.

Рисовал он неожиданно точно. Быстро, экономно, без лишней красоты. Несколько линий – и на бумаге появились хребет, ущелье, водопад. Рука у него была огромная, с жесткими пальцами, но линии выходили тонкие. Почти бережные.

Я впервые подумала: ему нравится это.

Не командовать. Не хмуриться. Рисовать.

Он ткнул пальцем в водопад на карте. Потом в меня.

Я кивнула.

– Да. Оттуда.

Он нарисовал стрелку от водопада к форту. Вопросительно посмотрел.

– Вы меня нашли, – сказала я и попыталась изобразить: падала, вода, проснулась, вы. Получилось, наверное, похоже

на танец больной чайки, но Кейрон следил внимательно.

Потом он нарисовал человека. Маленького. Очень маленького.

Я оскорбилась.

– Я не настолько маленькая.

Он посмотрел на рисунок. На меня. Медленно поднял бровь.

Ладно.

Настолько.

Я забрала у него уголь. Нарисовала круг. Подписать «Земля» было бессмысленно, но я все равно написала по-русски: Земля. Потом нарисовала еще круг рядом. Ткнула в первый, потом в себя. Во второй – в него. Потом нарисовала между кругами водопад.

Кейрон долго смотрел на рисунок.

Борас вытянул шею из-за плеча Кейрона и присвистнул.

Главный поднял на меня глаза.

Впервые в них было не только подозрение.

Еще что-то.

Не страх. Нет. Он не производил впечатление человека, который боится странных женщин в чужих плащах.

Но настороженность стала глубже.

Он произнес медленно:

– Аурис.

И показал на водопад.

– Аурис, – повторила я.

Потом показала на себя.

– Ангелина. Лина.

Он смотрел секунду.

– Лина, – сказал он.

У него получилось иначе, чем у Бораса. Ни мягкости, ни радости. Просто мое имя в его голосе стало почему-то тяжелее.

Мне не понравилось, что я это заметила.

Допрос продолжался долго. Мы рисовали, показывали руками, спорили жестами. Я поняла несколько вещей: водопад называется Аурис, форт – Ауриэль, Кейрон тут главный, Борас – его помощник или близко к тому, а верить мне никто пока не собирается. Они не грубили. Не угрожали. Но дверь оставалась открытой, а за ней стоял солдат.

На всякий случай.

Мало ли что сделает мокрая женщина метр шестьдесят.

К вечеру меня отвели в комнату.

Комната была маленькой по местным меркам. То есть примерно как нормальная спальня в моем мире, если не считать потолка, который уходил слишком высоко, и кровати, где могла бы разместиться вся наша бригада скорой.

Борас принес миску с едой. Миска была такой, что туда можно было посадить кота и сказать, что это ванна. Внутри лежала густая похлебка, кусок хлеба и что-то похожее на яблоко, только фиолетовое.

– Спасибо, – сказала я.

Он приложил ладонь к груди. Сказал слово, которое я не поняла.

– Борас, – позвал Кейрон из коридора.

Рыжий закатил глаза, словно его лишили лучшего развлечения дня, и ушел.

Кейрон остался на пороге.

Он не входил.

Просто стоял. Большой, темный на фоне коридорного света. Смотрел, как я стою посреди комнаты, завернутая в чужой плащ, рядом с миской похлебки и кроватью, куда надо забираться как на горку.

Я вдруг почувствовала усталость так резко, что даже злиться стало лень.

– Я хочу домой, – сказала я по-русски.

Он не понял слов.

Но лицо почему-то изменилось.

Совсем чуть-чуть.

Кейрон медленно кивнул. Потом произнес одно короткое слово на своем языке. Я не знала, что оно значит. Но по интонации оно было похоже на обещание человека, который не уверен, что сможет его выполнить.

Он ушел.

Я поела. Похlebка оказалась вкусной. Фиолетовое яблоко – не очень. Оно пахло мятой, а на вкус было как картошка с амбициями.

Потом я сняла мокрую одежду, натянула на себя сухую

длинную рубаху, которую мне принесли. Рубаха доходила почти до пола. Я залезла на кровать, утонула в подушке и впервые за день осталась одна.

Вот тогда стало страшно по-настоящему.

Без великанов, без шуток, без необходимости держать лицо.

Мама не знает, где я.

Лена не знает.

Никто не знает.

Я уткнулась лицом в подушку, пахнущую травами, и сжала кулаки.

Не плакать.

Не сейчас.

На ладонях вдруг стало тепло.

Я открыла глаза.

Мои руки светились.

Слабо, розовато, будто под кожей зажгли маленькую лампу. Свет стекал к пальцам, дрожал, исчезал и снова проступал.

– Нет, – сказала я.

Свет мигнул.

– Я сказала нет.

Он погас.

Я лежала в огромной кровати, в чужом мире, с руками, которые только что светились, и думала о маме, которая сейчас, возможно, звонит мне снова и снова.

Телефон лежал на тумбе.

Мертвый.

Очень символично, но мне было не до символов.

ГЛАВА 3. СЛОВАРНЫЙ ЗАПАС ВЫЖИВАНИЯ

Утром я проснулась на краю кровати.

Нет, неправильно.

Я проснулась на обрыве.

Кровать была такой высокой, что пол находился где-то внизу, как отдельная жизненная цель. Я села, свесила ноги и поняла, что до пола не достаю сантиметров сорок. Очень унижительное начало дня для взрослой женщины, которая умеет ставить катетер в движущейся машине.

Пять секунд я смотрела вниз.

Потом вспомнила все.

Водопад. Лес. Кейрон. Борас. Форт. Две луны. Руки, которые светились ночью.

– Отлично, – сказала я. – Не приснилось.

Сползание с кровати заняло больше достоинства, чем я была готова потратить. Сначала я попыталась лечь на живот и спустить ноги. Потом поняла, что выгляжу как кот, который передумал прыгать со шкафа. В итоге просто соскользнула вниз, шлепнулась босыми ногами на холодный каменный пол и постояла, наслаждаясь победой.

Маленькой.

Но моей.

На стуле лежала моя одежда. Высушенная. Аккуратно сложенная. Футболка, шорты, белье, носки. Рядом – местная рубаха и пояс. Я посмотрела на свои шорты. Потом на дверь. Потом опять на шорты.

В мире, где мужчины выше меня почти в два раза, туристические шорты внезапно показались слишком смелым заявлением.

Я надела местную рубаху поверх своей футболки и перетянула поясом. Получилось странно, но прилично. Волосы собрала в хвост пальцами – расчески не было. В тазу на століке обнаружилась вода. Таз был как небольшой бассейн. Я умылась и постаралась не думать о том, что полотенце размером с простыню.

За дверью стоял Борас.

Он улыбнулся так, будто караулил меня с рассвета и был счастлив, что я все-таки выжила.

– Лина! – сказал он.

– Борас, – ответила я.

Он показал на коридор.

– Еда?

Слово было не русским, но смысл я уловила по жесту: ладонь ко рту, вопросительный взгляд.

– Еда, – согласилась я. – Ради еды я готова сотрудничать почти с кем угодно.

Мы пошли в столовую.

Коридоры форта были широкими, каменными и прохлад-

ными. Везде пахло дымом, железом и хлебом. По пути нам попадались солдаты. Они здоровались с Борасом, косились на меня, быстро отводили глаза. Один совсем молодой парень так засмотрелся, что врезался плечом в дверной косяк.

Борас заржал.

Парень покраснел.

Я сделала вид, что ничего не заметила. Великодушие – полезное качество для человека в чужом мире.

В столовой шумели мужчины.

Много мужчин.

Огромных.

За длинными столами они ели из мисок, которые в моем мире использовали бы для салата на семейный праздник. Хлеб лежал ломтями размером с ладонь. Кувшины с водой были тяжелее, чем мой рюкзак.

Когда мы вошли, разговоры стихли.

– Опять, – пробормотала я. – Может, табличку повесить: «Да, маленькая. Да, настоящая. Нет, трогать нельзя».

Борас, конечно, понял только «нет» и радостно повторил: – Ньет.

Я села на лавку.

Вернее, попыталась.

Лавка была высотой почти до середины бедра. Я взобра-лась, села – и ноги повисли в воздухе. Очень солидно. Особенно если учитывать, что за соседним столом кто-то пода-вился смешком.

Борас посмотрел на мои ноги.

Потом молча снял с плеча свою котомку, положил ее мне под ступни и подвинул ближе миску поменьше. Не сказал ничего и не сделал из этого представление. Решил проблему и вернулся к своей миске.

И почему-то именно это едва не добило меня.

Не водопад. Не великаны. Не светящиеся руки.

Котомка под ногами.

Я сглотнула и уставилась в миску.

Там была каша. С кусками мяса. Или чего-то мясного.

Пахло хорошо.

– Спасибо, – сказала я тише, чем собиралась.

Борас постучал себя кулаком по груди и назвал слово.

Я повторила.

Он закивал.

Наверное, это и было «спасибо».

Я съела немного. Порция все равно была такой, что я могла бы питаться ею два дня. Кто-то поставил рядом кружку с чем-то горячим. Травяной напиток. Горький, но согревающий.

Кейрон появился, когда я пыталась понять, как культурно не доест половину миски и никого не обидеть.

Он вошел без шума, но столовая стала тише. Она не замолчала, но воздух будто собрался плотнее. Мужчины сидели ровнее, разговоры стали ниже. Кейрон взял еду, сел отдельно у края стола и ни разу не посмотрел в мою сторону.

Совсем ни разу.

И это раздражало.

Что само по себе было глупо. Я должна радоваться, что огромный подозрительный командир не сверлит меня глазами. Но нет, мне почему-то хотелось понять, заметил ли он, что я не рухнула с лавки и держусь вполне достойно.

Я взрослая женщина.

Очень взрослая.

Почти не хочу одобрения от великана.

После завтрака Борас устроил мне урок языка прямо во дворе.

Он был потрясающе серьезен.

Поставил передо мной кружку.

– Вар.

– Вар, – повторила я.

Показал на воду в кружке.

– Эл.

– Эл.

Показал на хлеб.

– Дар.

– Дар.

– Нет, – сказал Борас.

– Что нет?

Он ткнул в хлеб.

– Дарр.

– Дарр, – поправилась я.

Он одобрительно кивнул.

Так я выучила первые слова на языке Лорны: вода, хлеб, да, нет, больно, осторожно, иди, стой и «я не понимаю». Последнее мне понравилось больше всего. Универсальная фраза. Можно сказать почти в любой ситуации и быть абсолютно честной.

К нам постепенно подтянулись солдаты.

Один принес яблоко – нормальное, не фиолетовую картошку с амбициями. Второй показал на меч и сказал слово. Третий зачем-то попытался научить меня ругательству, но Борас ударил его локтем в бок и сказал что-то резкое. Солдат заулыбался, виновато поднял руки.

– Нельзя ругаться при маленькой посланнице? – спросила я.

Они, конечно, не поняли.

И хорошо.

Слово «посланница» я тогда еще не знала. Но уже чувствовала: они ищут для меня название. Маленькая. Чужая. Из водопада. С руками, которые вчера светились, если мне, конечно, не показалось.

Кейрон проходил мимо несколько раз.

Ни разу не подошел.

Но на третий раз я заметила, что он замедлился, когда Борас учил меня слову «больно». Я повторила неправильно, получилось что-то вроде «я проклиная твою козу», потому что все вокруг дружно захохотали.

Кейрон остановился.

Посмотрел на Бораса.

Борас тут же стал невинен, как святой на иконе.

– Что? – спросила я по-русски. – Что я сказала?

Солдаты смеялись еще минуту.

Кейрон ушел.

Но мне показалось, что теперь он точно улыбнулся.

Совсем чуть-чуть.

Может, у меня травма головы.

Ближе к полудню во дворе начался хаос.

Сначала я услышала ржание. Громкое. Злое. Потом крик.

Потом из конюшни вылетел конь.

Нет.

Снова неправильно.

Из конюшни вылетел дом с копытами.

Огромный черный жеребец метался по двору, вскидывал голову, рвал повод, который болтался у него на шее, и бил копытами так, что камни звенели. Солдаты бросились в стороны. Кто-то попытался зайти сбоку, но жеребец мотнул головой, и мужчина отскочил, едва не потеряв равновесие.

– Огненный! – крикнул кто-то.

Лошадь была не огненная, а черная, но спорить с местными кличками у меня не было времени.

Я видела панику.

В любой скорой, в любом приемном покое, на любой аварии паника выглядит одинаково. У нее разные лица, разные

языки, разные размеры тела, но суть одна: существо не понимает, где боль, где опасность, кому верить и куда бежать.

Жеребец не был злым.

Он боялся.

И это я поняла раньше, чем успела испугаться.

– Лина! – Борас схватил меня за локоть, когда я шагнула вперед.

– Отпусти.

Он не понял слов, но понял тон. Не отпустил.

Я посмотрела ему в глаза.

– Больно, – сказала на лорнском. Потом показала на жеребца. – Больно.

Борас растерялся.

Я вывернулась и пошла в центр двора.

Кто-то крикнул. Кейрон, кажется. Его голос я уже узнавала даже среди чужих. Низкий, резкий, как удар по дереву.

Я не остановилась.

– Тихо, – сказала я жеребцу по-русски. – Тихо, хороший. Я знаю, ты большой, я маленькая, ситуация у нас с тобой сложная, но давай без убийств, ладно?

Жеребец вскинул голову.

Его морда казалась почти такой же большой, как мой торс. Черные глаза блестели, ноздри раздувались, изо рта летела пена. Он сделал шаг ко мне. Солдаты замерли.

– Вот так, – продолжала я тихо. – Смотри на меня. Не на них. На меня. Я не страшная. Ну, спорно, конечно, если

спросить моего бывшего. Но ты не спрашивай.

Он фыркнул.

Горячий воздух ударил мне в лицо.

Я подняла ладонь.

Медленно.

Не к морде сразу. Чуть в сторону. Чтобы он сам решил.

Внутри стало тепло.

Я почувствовала это раньше, чем увидела свет. Сначала будто кто-то налил в ладонь горячей воды. Потом под кожей мелькнул розоватый отблеск.

Жеребец замер.

Его ноздри дрогнули. Он вытянул шею и коснулся моей ладони губами. Осторожно. Почти невесомо для такого огромного существа.

– Вот видишь, – прошептала я. – Ничего страшного.

Тепло из ладони потянулось к нему. Я не знала, что делаю. Просто думала: где болит? И вдруг увидела – не глазами, а как-то иначе – тонкий порез под ремнем, натертую кожу, колючий страх, застрявший в груди животного.

Я провела пальцами по его морде.

Свет вспыхнул и тут же погас.

Жеребец опустил голову.

Во дворе стало тихо.

Очень.

Так тихо, что я услышала, как где-то капает вода из ведра.

Потом рядом оказался Кейрон.

Не знаю, как он подошел так быстро. Еще секунду назад его не было, а теперь он стоял на расстоянии вытянутой руки, смотрел на жеребца, потом на меня, потом на мою ладонь.

Я тоже посмотрела.

Ладонь больше не светилась.

– Я могу объяснить, – сказала я.

Нет. Не могла.

Кейрон медленно протянул руку и забрал повод у жеребца. Конь не сопротивлялся. Только прижался мордой к моему плечу так, что я чуть не потеряла равновесие.

Солдаты заговорили разом.

Борас выдохнул что-то длинное и, кажется, очень эмоциональное.

Кейрон молчал.

Но смотрел на меня уже не как на странную находку у водопада.

Хуже.

Как на загадку, которую придется решать.

А я терпеть не могла быть задачей для чужих мужчин.

ИНТЕРЛЮДИЯ. КЕЙРОН

Кейрон написал слово «существо» и остановился.

Чернила легли неровно. Перо цеплялось за бумагу. За стеной кто-то смеялся – Борас, конечно. Его смех Кейрон мог узнать даже сквозь камень, дождь и три закрытые двери. Слишком громкий. Слишком живой для форта, где обычно не смеялись так свободно.

Он перечитал первую строку донесения.

«У водопада Аурис найдено неизвестное существо малого роста...»

Нет.

Кейрон зачеркнул последнее слово.

Не существо.

Женщина.

Он видел это сразу, хотя разум пытался сопротивляться. Слишком маленькая, слишком тонкая, в странной одежде, с лицом, которое в Лорне приняли бы за лицо подростка, если бы не глаза. Глаза были взрослыми. Усталыми. Смешливыми даже в страхе. И злыми, когда ее пытались поднять, как ребенка.

Он написал заново.

«У водопада Аурис найдена женщина. Называет себя Лина. Языка Лорны не знает. Не говорит ни на одном из известных пограничных наречий. Одежда чужая. Предметы при

ней неизвестного назначения».

Он подумал о ее маленькой черной коробке, которую она держала так, будто там сердце.

Телефон. Так она назвала. Бессмысленное слово.

Кейрон отложил перо.

На столе лежал набросок, который он сделал днем. Не карта. Он собирался уточнить изгиб тропы от Ауриса до форта, но рука сама вывела другое: маленькая фигура перед Огненным. Узкое плечо. Поднятая ладонь. Конь, который должен был сбить ее грудью и растоптать, а вместо этого склонил голову.

Свет на ее руках видел не только он.

Все видели.

Розовый, слабый, но настоящий.

Целительский.

Кейрон провел большим пальцем по краю бумаги и почувствовал старую усталость. Если слух уйдет выше, Тайгар заберет ее сразу. Не спросит, откуда она, хочет ли остаться, понимает ли хоть слово. Войне нужны целители. Война всегда берет то, что ей нужно.

Он знал это лучше многих.

На полке у стены стояла кружка с отколотым краем. Ее давно пора было выбросить. Рела бы выбросила. Сказала бы: «Кейрон, у тебя целый форт мужчин, а кружку заменить некому?»

Он не выбросил.

Почему-то сейчас взгляд зацепился именно за нее.

Кейрон снова взял перо.

«Угрозы не проявила. Нуждается в наблюдении. Сообщение в ставку будет отправлено после уточнения обстоятельств».

Он поставил точку.

Потом долго смотрел на последнюю фразу.

Сообщить нужно было немедленно.

Он это знал.

Кейрон сложил донесение, но печать не поставил.

Успеет.

ГЛАВА 4. ЗНАХАРКА ИЗ ДЕРЕВНИ КОРА

Палец у солдата стоит под таким углом, что я сначала решаю: нет, это мне кажется.

Потом он шевелит рукой, матерится на своём огромном языке, и палец, средний, на правой руке, предательски уходит ещё чуть вбок. Звук получается мерзкий. Даже без перевода понятно: сломано.

Я сижу на краю бочки, потому что другого места для меня во дворе не нашлось. Бочка пустая, пахнет кислым яблочным сидром и старой древесиной. С утра Борас притащил её к стене казармы, хлопнул ладонью по крышке и сказал с важным видом:

– Лина. Сидеть.

Я сказала:

– Спасибо.

Он сиял так, будто я вручила ему орден.

Теперь бочка превращается в наблюдательный пункт. Утренние тренировки идут почти каждый день: мужчины в кожаных нагрудниках таскают бревна, рубят воздух тренировочными мечами, бегают через двор так, что земля под их сапогами отдаёт мне в колени. Я уже не шарахаюсь от каждого шага. Прогресс.

Сегодня один из молодых солдат, высокий даже по местным меркам, резче, чем нужно подставил руку под удар деревянного меча. Второй не успел остановиться. Палец хрустнул. Солдат выругался, наставник гаркнул, Борас присвистнул.

А я уже слезаю с бочки.

Не думаю. Тело само делает то, что делало сотни раз: подойти, оценить, не дать человеку разнести травму ещё сильнее своим геройством.

– Лина! – Борас ловит меня за локоть, но не крепко. Он уже знает, что если схватить меня резче, чем нужно, я становлюсь злее, чем выгляжу.

– Больно, – говорю я на лорнском и показываю на руку солдата.

– Да, больно, – радостно подтверждает Борас, будто я блестяще сдала экзамен. – Плохо.

– Я вижу, что плохо.

Эту фразу я говорю по-русски. Борас всё равно кивает.

Солдат нависает надо мной, сам того не замечая. Его зовут, кажется, Эйран. Или Айрен. У них половина имён звучит так, будто кто-то бросает камешки в ручей. Он пытается спрятать руку за спину.

Я поднимаю брови.

– Руку.

Слово я знаю. Борас учил. Заодно учил «нога», «голова», «кровь», «есть» и «не трогай». Последнее оказалось самым

полезным.

Эйран смотрит на Бораса.

Борас разводит руками:

– Руку.

Солдат протягивает ладонь.

Она огромная. Даже после недели в форте я иногда забываю масштаб, а потом вот так – чужая кисть кажется почти такой же большой, как моя голова. Кожа грубая, на костяшках старые трещины, ногти коротко обрезаны. На указательном пальце засохла чёрная краска. Видимо, он что-то метил утром. Или чесал котёл. Я почему-то смотрю на эту краску дольше, чем на перелом, и только потом ругаю себя.

Соберись, Соколова.

Я осторожно беру его палец двумя руками. По привычке говорю:

– Не дёргайся.

Он не понимает, но, кажется, догадывается по тону.

Палец горячий, отёк появляется быстро. Закрытый перелом, скорее всего. Смещение есть. Плохо, но не смертельно. Нужна фиксация, холод, потом вправление, если получится. Здесь нет рентгена, нет нормального обезболивания, нет стерильных бинтов, и вообще я в мире, где лошади выше маршрутки.

Тепло приходит неожиданно.

Не слабое, как ночью в ладонях. Не странное покалывание, как с Огненным. Оно поднимается изнутри, будто кто-

то налил мне под кожу подогретый мёд. Я задерживаю дыхание.

– Что за...

Свет просачивается между моими пальцами.

Розовый. Тонкий. Сначала кажется, что это отсвет утреннего солнца на коже, но солнце за моей спиной, и все вокруг замирают резче, чем нужно.

Эйран перестаёт ругаться.

Борас рядом говорит что-то короткое и совсем не весёлое.

А я вижу перелом.

Не глазами. Глазами я вижу палец, грязь под ногтем, шершавую кожу, собственные руки, которые выглядят рядом с его рукой почти кукольными. А внутри – другое. Белая тонкая линия разрыва. Отёк вокруг. Боль как тёмная вода, налитая под кожу.

Я думаю: срастись.

Подозрительно просто. Глупо. По-детски.

Но свет становится ярче.

Эйран вскрикивает. Я отпускаю его руку, испугавшись, что сделала хуже. Он отступает на шаг, смотрит на палец, шевелит им.

Палец ровный.

Отёк спадает прямо на глазах. Кожа остаётся красной, но сустав двигается свободно. Солдат открывает рот. Закрывает. Снова открывает.

Потом медленно опускается на одно колено.

– Нет, – говорю я сразу. – Нет-нет-нет, не надо.

Он не понимает. Или понимает, но не слушает.

Во дворе становится так тихо, что я слышу, как где-то за кузницей капает вода из ведра. Кап. Кап. Кап.

Кейрон появляется у дверей казармы.

Я не видела, как он подошёл. Вот это особенно неприятно: человека почти трёх метров ростом нельзя не заметить, а я умудряюсь. Он смотрит сначала на Эйрана, потом на его руку, потом на меня.

На моих ладонях ещё дрожит розовое свечение.

Я прячу руки за спину. Очень разумно, Ангелина. Если спрятать руки, магия, конечно, перестанет существовать.

Кейрон произносит одну фразу. Короткую. Тяжёлую.

Солдаты начинают расходиться. Не бегут, не суетятся, просто вдруг вспоминают, что у каждого есть дело. Эйран встаёт, всё ещё глядя на меня так, будто я вытащила его из могилы, хотя это был всего лишь палец.

Всего лишь палец.

Я тоже иногда вру себе для удобства.

Борас подходит ближе.

– Лина, – говорит он тихо. – Кейрон. Идти.

– Куда?

Он показывает в сторону ворот, потом делает руками жест, будто завязывает платок на голове, потом изображает старую женщину с палкой. Получается оскорбительно для всех старых женщин сразу.

– Женщина? – угадываю я.

– Мирра, – говорит он. – Хорошая. Злая. – Потом добавляет с уважением: – Очень злая.

Кейрон уже идёт к конюшне.

Я смотрю ему вслед и впервые за утро чувствую не страх, а злость. Удобно у них тут: один огромный мужчина решил, что мне надо к злой женщине, и всё, вопрос закрыт.

Я окликаю:

– Кейрон!

Он останавливается.

Двор снова делает вид, что не слушает.

Я подбираю слова. Лорнский пока похож на лестницу с разной высотой ступеней: на каждой можно споткнуться.

– Я... хочу знать. Куда. Зачем.

Он поворачивается полностью.

Когда такой мужчина поворачивается к тебе полностью, мир на секунду становится меньше. Не из-за красоты. Хотя да, из-за неё тоже, и это раздражает. Тело понимает масштаб раньше головы.

Кейрон говорит медленно:

– Мирра знает дар.

– Дар?

Он смотрит на мои руки.

– Твой.

Слово «твой» я знаю. И отчего-то оно ложится между нами слишком лично.

В конюшне мне показывают лошадь, и я понимаю, что до этого была оптимисткой.

Это не Огненный. Эту кобылу зовут, кажется, Лайра. Она спокойнее, светлее, ниже. По местным меркам, вероятно, почти табуретка. По моим – стихийное бедствие с ресницами.

Я стою рядом с её боком и смотрю на седло где-то в районе второго этажа.

– Нет, – говорю я.

Борас, который пришёл проводить нас и, видимо, посмотреть на бесплатное представление, тут же оживляется:

– Нет!

– Не радуйся, – говорю я по-русски.

Кейрон что-то приказывает конюху. Тот кивает, приносит маленькую скамью. Скамья всё равно высоковата для меня, но я хотя бы могу забраться на неё без верёвки и завешания.

План рушится через полминуты.

Я ставлю ногу в стремя. Стремя рассчитано на сапог Кейрона. Моя ступня болтается в нём, как ложка в ведре. Кобыле надоедает ждать, она переступает. Я хватаюсь за седло, скамья шатается, Борас издаёт звук подавленного восторга.

Кейрон молча оказывается рядом.

– Я сама, – говорю я.

Он явно не понимает фразу, но прекрасно понимает тон. Смотрит. Ждёт.

Я пробую ещё раз. Нога в стремях, рука на седле, рывок вверх. Ничего. Тело висит где-то между землёй и униже-

нием.

Борас кашляет.

– Ещё слово, и я тебя прокляну, – предупреждаю я.

Кейрон произносит:

– Лина.

Я закрываю глаза.

– Ладно.

Он поднимает меня так легко, что это почти обидно. Не рывком, не как мешок, не как ребёнка. Руки ложатся на талию, поднимают, ставят в седло. На мгновение его пальцы задерживаются поверх моего плаща. Или мне кажется.

Нет, не кажется.

Я сажусь, пытаюсь устроиться, но седло огромное, ноги не достают куда надо, и вся конструкция выглядит как издевательство.

Кейрон смотрит на мою посадку секунд пять.

Потом садится сам.

За мной.

Я понимаю это слишком поздно.

Лошадь прогибается под его весом, седло чуть меняет угол, и я оказываюсь между его руками, потому что поводья по обе стороны от меня, а он держит их уверенно, будто это самая обычная поездка в мире. Моя спина почти касается его груди. Почти – потому что я сижу прямо, как аршин, и стараюсь дышать мелко.

– Это транспорт, – говорю я себе по-русски.

– Что? – спрашивает Борас.

– Транспорт.

Он повторяет:

– Транспорт.

– Не надо.

– Нада.

Я всё-таки смеюсь. Нервно, но смеюсь.

Кейрон за моей спиной ничего не говорит. Только Лайра трогается с места, и моя рука сама вцепляется в переднюю луку седла. Движение у неё мягкое, широкое. Первые десять минут я занята тем, что не падаю и не думаю о том, как близко находится Кейрон.

Потом тело привыкает.

Дорога к деревне идёт вниз, через лес. Здесь всё слишком крупное, но не грубо увеличенное, как в плохом кино, а настоящее в своей странной мере. Листья на низких кустах широкие, с фиолетовой прожилкой. Над тропой висит паутина с каплями росы, каждая капля размером с горошину. Птица с синей грудкой садится на ветку, смотрит на нас чёрным глазом и улетает с сухим треском крыльев.

От Кейрона пахнет кожей, металлом и чем-то дымным. Не неприятно. Заметно до неловкости.

Я пытаюсь отвлечься.

– Мирра, – говорю я. – Знает дар?

Пауза. Он, кажется, подбирает простые слова.

– Мирра лечит. Много лет. Знает... – Он хмурится. – Ста-

рые слова.

– Старые слова?

– Водопад. Малые люди. Дар.

Малые люди.

Конечно. Очень лестно.

– Я не малая, – говорю я.

Он опускает взгляд. Я чувствую это кожей на затылке.

– Для Лорны – малая.

– Для меня – нормальная.

Ответа нет. Потом произносит:

– Да.

Соглашается. Без улыбки, без снисхождения. И это почему-то лишает меня готовой злости.

Деревня Кора появляется после поворота. Сначала дымки над крышами, потом заборы, потом дома, которые я мысленно называю избами для очень уверенных в себе людей. Дверные проёмы высотой с ворота гаража. Окна на уровне, куда я могу смотреть только запрокинув голову. Над одним крыльцом сушатся пучки травы, каждый пучок размером с веник для бани. У колодца женщина в сером платье тянет ведро, и это ведро вполне могло бы быть моей ванной.

Дети замечают меня первыми.

Они выбегают из-за сарая: трое, потом ещё двое. Местные дети. То есть примерно моего роста или чуть выше, с круглыми лицами, большими ладонями, неуклюжими ногами. Один мальчик держит деревянного солдатика, у которо-

го вместо меча воткнута ложка. Девочка с короткими косами показывает на меня пальцем.

– Малая! – кричит она.

– Сама малая, – говорю я по-русски.

Дети визжат от восторга, потому что чужая речь, видимо, делает меня ещё интереснее.

Кейрон спешивается первым. Потом снимает меня с лошади. Я почти не успеваю возмутиться. Его ладони снова на моей талии, земля снова оказывается под ногами, и дети тут же подходят ближе.

Одна девочка трогает край моего плаща. Осторожно. Другая тянется к волосам.

Я показываю палец:

– Нет.

Дети хором повторяют:

– Нет!

Борас был бы горд.

Дверь крайнего дома открывается.

На пороге стоит женщина.

Она ниже Кейрона, но всё равно выше двух метров. Широкая, костистая, седые волосы собраны в толстую косу, лицо такое, что спорить с ней хочется только людям, которые плохо ценят жизнь. На фартуке бурые пятна, к поясу привязаны ножницы, мешочек с травами и маленькая костяная ложка. На левом запястье – красная нитка с узлами.

Она смотрит на Кейрона. Потом на меня.

И падает на колено.

Не неловко, не поспешно. Как перед алтарём.

Дети замолкают.

Я делаю шаг назад и упираюсь спиной в Кейрона.

Он тоже застыл. Я вижу только часть его руки сбоку, но по этой руке понятно: он не ожидал.

Женщина говорит длинную фразу. Голос низкий, с хрипотцой. Я понимаю одно слово:

– Посланница.

– Нет, – говорю я автоматически.

Женщина поднимает голову.

Глаза у неё зелёные, светлые, очень внимательные.

– Нет, – повторяю я уже тише. – Ангелина. Лина.

Она переводит глаза с меня на Кейрона.

– Мирра, – говорит Кейрон мне.

– Я поняла.

Мирра встаёт. Подходит. Останавливается передо мной и протягивает ладонь. На её ладони лежит засохший цветок: серый стебелёк, сморщенные лепестки, немного земли у корня.

– Смотреть, – говорит она на странном языке.

Я моргаю.

Это не лорнский. Слова другие, шершавые, но часть смысла будто проступает через них, как буквы через мокрую бумагу.

– Вы... понимаете меня? – спрашиваю я по-русски.

Мирра щурится.

– Старый язык, – говорит она. С трудом. Акцент такой, будто каждое слово приходится вытаскивать из колодца. – Малый. Дар. Смотреть.

– Это не мой язык.

– Почти.

Она протягивает цветок ближе.

– Смотреть.

Мы заходим в её дом.

Внутри пахнет травами, дымом, козым молоком и чем-то горьким, аптечным. Я сразу думаю: полынь. Потом вспоминаю, что полынь здесь может быть размером с берёзу и иметь зубы. Лучше не уточнять.

У стены стоят полки с глиняными банками. На столе – ступка, нож, пучки корней, несколько чашек, одна из них с отбитым краем. Отбитый край затёрт пальцами, значит, Мирра пользуется ею часто и не выбрасывает. На подоконнике лежитдохлый жук с зелёным панцирем. Только лежит. Не знаю зачем. Может, лекарство. Может, забыла.

Кейрон остаётся у двери, потому что в доме для него мало места. Его плечи почти касаются косяков. Это было бы смешно, если бы я не чувствовала, как он наблюдает.

Мирра садится за стол, показывает мне на лавку. Лавка высокая. Я забираюсь на неё с достоинством человека, который уже третий день подряд карабкается на мебель как белка.

Мирра кладёт цветок между нами.

– Боль, – говорит она.

– Он мёртвый.

– Нет.

– Вы уверены?

Она смотрит на меня так, как на практике смотрела моя наставница на студента, который назвал желудочек предсердием.

– Боль, – повторяет Мирра. – Видеть.

Я вздыхаю.

– Ладно.

Кладу пальцы на сухой стебель.

Ничего.

Только сухость. Лёгкая ломкость. Пыль на подушечках пальцев.

Мирра берёт мою руку и переставляет чуть ниже, к корню.

– Не жалеть, – говорит она медленно. – Видеть.

Я собираюсь сказать, что у меня нет ни малейшего желания жалеть гербарий. Но молчу.

Смотрю.

На работе я всегда смотрела сначала на дыхание. Потом на цвет кожи. Потом на глаза. Пульс. Положение тела. Мелочи. Они важнее красивых слов. У пациента с панической атакой одни плечи. У умирающего – другие. У того, кто врёт про боль, – третьи. Хотя врут почти все, просто по-разному.

Я смотрю на цветок как на пациента.

Что с тобой не так?

Ответ приходит не голосом.

Сухо.

Сухо до горечи. Внутри стебля пустые тонкие ходы, корень сжат, земля вокруг него не держит влагу. Это похоже на видение и на знание одновременно. Я не могу объяснить, откуда оно берётся. Оно есть, без причины и объяснений.

Ладони теплеют.

– Вода, – шепчу я.

Розовый свет появляется медленно. Мирра не улыбается, только чуть наклоняет голову. Кейрон у двери перестаёт двигаться.

Я думаю о воде. Не о водопаде. О маленькой стеклянной чашке на прикроватной тумбочке в Екатеринбурге. О том, как мама всегда ставила рядом с кроватью воду, когда я болела. О мокрой марле на губах пациента. О капельнице, где каждая капля идёт в вену и делает человека чуть ближе к утру.

Цветок расправляет лепестки.

Не мгновенно. Сначала стебель темнеет, становится зелёным у основания. Потом лепестки набирают цвет: бледно-жёлтый, с красной точкой у края. Один лепесток остаётся кривым и надорванным. Я почему-то радуюсь этому больше всего. Значит, это не фокус. Живое не обязано становиться идеальным.

Мирра впервые улыбается.

Улыбка у неё неожиданно маленькая.

– Дар, – говорит она.

– Я не просила.

Мирра долго изучает меня. Потом переводит взгляд на Кейрона и произносит что-то быстрое на лорнском.

Он отвечает коротко.

Они спорят. Я понимаю это без слов. Мирра рубит воздух ладонью, Кейрон стоит у двери с видом каменной стены, которой пытаются объяснить правила приличия. Через минуту Мирра фыркает, поворачивается ко мне и тычет пальцем в грудь.

– Пришла вовремя.

– Для чего?

Она смотрит не на меня, а куда-то за моё плечо. В сторону гор. Или войны. Наверное, это у них одно и то же.

– Много крови, – говорит она. – Много боли. Целителей мало. Ты – сильная.

Мне становится холодно.

– Я не оружие.

Не знаю, понимает ли она. По лицу – понимает.

– Нет, – говорит Мирра. – Руки.

Она берёт мои ладони в свои. Её ладони большие, шершавые, с травяным запахом. На правом большом пальце порез, старый, плохо заживший. Она сжимает мои руки осторожно.

– Руки не оружие, если сердце помнит.

Фраза странная. Почти смешная. Её мог бы сказать чело-

век в очень плохом мотивационном ролике. И всё же у Мирры это звучит не глупо, потому что на её фартуке кровь, под ногтями земля, а в углу у печи стоит таз с грязными бинтами.

Она не говорит из красоты. Она говорит из работы.

На обратной дороге я молчу.

Кейрон тоже.

Лайра идёт ровно. Его руки держат поводья по бокам от меня. Иногда костяшка его пальца почти касается моего плеча, и я делаю вид, что не замечаю. Лес тянется вокруг, влажный, зелёный, огромный. Где-то в ветках кричит птица, звук у неё похож на скрип двери в подъезде, и это внезапно выбивает меня из Лорны.

Подъезд.

Лифт, который всегда пах пылью и дешёвым освежителем. Почтовые ящики. Соседка с пятого, которая курила на лестнице и ругалась с внуком по телефону. Моя дверь. Ключи в боковом кармане рюкзака.

Рюкзак лежал в моей комнате.

Я проверяла его уже трижды: документы, деньги, пауэрбанк, наушники, маленькая аптечка, которую я собирала так тщательно, будто ехала не в отпуск, а в экспедицию на Марс. Всё на месте. Почти всё.

Телефон лежал отдельно – мёртвый, бесполезный.

Мама.

В груди всё сжимается так резко, что я хватаюсь за седло.

Кейрон сразу натягивает поводья.

– Больно?

Он знает это слово уже слишком хорошо.

Я качаю головой.

– Домой, – говорю по-русски.

Он не понимает.

Я не хочу переводить. Не могу.

– Мне надо домой.

Лес вокруг шумит. Лайра переступает копытом. Кейрон молчит за моей спиной, и на этот раз его молчание не пустое. Он слышит тон. Смысл, может, не слышит, но тон – да.

Потом он произносит одно слово на лорнском:

– Скоро.

Я поворачиваю голову настолько, насколько позволяет наша странная посадка.

– Ты даже не знаешь, что я сказала.

Он смотрит вперёд.

– Скоро, – повторяет.

И мне на секунду хочется плакать. Или ударить его. Или прижаться спиной к его груди и не держаться самой.

Я выбираю четвёртое: сию прямо и смотрю на дорогу.

В форте Борас встречает нас у ворот с видом человека, который умирал от любопытства и выжил только чудом.

– Мирра? – спрашивает он.

– Злая, – отвечаю я на лорнском.

Он смеётся так громко, что с ближайшей крыши взлетает ворона размером с индюка.

Кейрон спешивается. На этот раз я не жду, пока он снимет меня. Поворачиваюсь, цепляюсь за седло и пытаюсь соскользнуть сама.

Ошибка.

Земля оказывается дальше, чем должна. Я повисаю на руках, мысленно прощаюсь с остатками достоинства, и через секунду Кейрон всё равно ловит меня за талию.

– Я могла сама, – бурчу я.

Он ставит меня на ноги.

– Нет.

Борас радостно показывает на нас обоих:

– Нет!

Иногда образование идёт быстрее, чем надо.

ГЛАВА 5. ЧТО ТАКОЕ ВОЙНА

Кровь на камне выглядит чёрной.

Я понимаю это раньше, чем понимаю, что меня разбудили среди ночи. Кто-то стучит в дверь. Не кулаком – всей ладонью, осторожно, но дверь всё равно дрожит в раме.

– Лина! Лина!

Борас.

Я сажусь на кровати. Вернее, пытаюсь сесть, путаюсь в огромном одеяле, выбираюсь из него, как из рыболовной сети. В комнате темно, только тонкая полоска света под дверью. Пахнет холодной золой от погасшей жаровни и моими влажными после стирки носками, которые я вчера повесила на спинку стула. Носки сохнут плохо. В Лорне всё большое, кроме бытовых удобств.

– Что? – кричу я.

Дверь открывается.

Борас заглядывает внутрь и тут же отводит глаза, потому что я в длинной рубахе, которую мне выдали вместо ночной сорочки. Рубаха закрывает меня от шеи до пят, но местная вежливость, кажется, устроена иначе.

– Раненые, – говорит он.

Сон уходит сразу.

Я уже на полу. Подхватываю штаны, плащ, ремень с маленьким ножом, который мне дал Гор, местный лекарь. Нож

туповат, зато мой. Почти.

– Сколько?

Борас показывает четыре пальца. Потом два. И проводит рукой по боку.

– Плохо.

Словарный запас выживания действительно работает.

Лазарет находится в длинной пристройке у внутренней стены. Днём там пахнет травами, уксусом и старым деревом. Ночью – кровью.

Я вбегаю и останавливаюсь на пороге.

Четверых солдат принесли на плащах и щитах. Один сидит сам, бледный, с перевязанной рукой. Второй лежит на лавке и стонет сквозь зубы. Третий без сознания, с лицом серым до зелени. Четвёртого держат двое, потому что он пытается встать, хотя у него живот распорот от бедра до рёбер.

Не распорот.

Разодран.

Края раны неровные, как мокрая ткань после собачьих зубов. Кровь идёт толчками, значит, задеты крупные сосуды. Внутри видна белёсая дуга ребра. Я не сразу понимаю, что это ребро, потому что оно слишком большое.

Старый Гор, лекарь, стоит над ним. Гор примерно ровесник Мирры, только суше и ниже, с носом, который явно когда-то ломали. Он прижимает к ране толстую ткань обеими руками и рычит на помощника:

– Дави!

Помощник давит. Плохо. Бойтся.

Я подхожу.

– Уйди.

Гор поворачивает голову. Глаза у него красные от бессонницы.

– Что?

– Уйди, – повторяю на лорнском, потом показываю на рану. – Я.

Он поднимает глаза к моему лицу. В этот взгляд успевают поместиться всё: недоверие, раздражение, надежда, презрение к надежде.

– Лина, – говорит Борас где-то сзади. – Дар.

Гор отступает на полшага.

Я забираюсь на низкую скамью рядом с раненым, иначе не достану нормально. Скамья скрипит. Раненый хрипит. У него на шее кожаный шнурок с деревянной бусиной. Бусина вырезана в форме птицы, очень кривой. Кто-то делал её любя и неумело.

Я кладу руки на край раны.

Тепло приходит сразу, но вместе с ним приходит и другое.

Глубина.

С пальцем было легко. С цветком – странно, но тихо. Здесь меня будто тянут вниз через горячую воду. Я вижу ткани. Разрывы. Кровь. Мышца сокращается, пытается жить. Лёгкое с одной стороны повреждено, не сильно, но воздух уже идёт туда, куда не должен. Организм огромный, чужой,

но логика та же. Давление, дыхание, кровь, боль.

– Дыши, – говорю я солдату.

Он не слышит.

– Дыши, чёрт тебя побери.

Розовый свет вспыхивает между моими пальцами. Кто-то в лазарете вскрикивает. Я перестаю слышать.

Сначала сосуды.

Понимаю. Если закрыть кожу, но оставить кровь идти внутрь, он умрёт красиво и бесполезно. Сосуды стягиваются под моими ладонями, тонкие стенки тянутся друг к другу. Мне становится жарко. Очень жарко. Пот стекает по спине.

Потом лёгкое.

Здесь хуже. Ткань нежная, рваная, как мокрая салфетка. Я думаю о своих дежурствах. О кислородной маске, которую держала подростку после аварии. О том, как грудная клетка поднимается, когда человек всё ещё с нами. Поднимается – значит, боремся.

Солдат втягивает воздух.

Гор рядом резко выдыхает.

Теперь мышцы.

Свет становится гуще. Я чувствую вкус металла во рту. Кажется, прикусила щёку. Неважно.

Рана смыкается не как молния, не красиво. Кожа собирается медленно, бугристо, оставляя длинный розовый рубец. Хорошо. Рубец – это нормально. Живым людям положены рубцы.

– Хватит, – говорит кто-то.

Я не могу остановиться.

Есть ещё боль. Её слишком много. Она не в ране уже, она везде. В плечах солдата, в горле, в животе, в страхе. Я вдруг чувствую, что он боится не смерти, а того, что не успел сказать брату о мешке зерна, спрятанном под настилом в доме. Почему зерно? Какой брат? Это не моё. Не надо туда.

– Лина.

Голос Кейрона.

Я открываю глаза и понимаю, что стою на коленях на скамье, почти лежу на раненом, руки светятся, а весь лазарет уставился на мои руки.

Кейрон рядом.

Не знаю, когда пришёл.

– Хватит, – говорит он.

Я убираю руки.

Солдат дышит.

Рана закрыта. Рубец страшный, широкий, красный. Но он дышит. Глаза открываются. Он смотрит на потолок, потом на меня.

– Посланница, – шепчет он.

Кто-то повторяет это слово. Тихо. Потом ещё кто-то.

Я хочу сказать: не надо. Не называйте меня так. Я делаю работу. Я не знаю, что это за свет. Я не знаю, почему именно я. Я не знаю, сколько ещё выдержу.

Но тело решает всё за меня.

Колени становятся ватными. Лазарет наклоняется. Кровь на камне плывёт чёрным пятном.

Кейрон подхватывает меня до того, как я падаю.

Оказывается, если огромный мужчина держит тебя на руках, мир становится очень тихим. Не потому что исчезают звуки. Они есть: Гор ругается, Борас кому-то велит принести воду, раненый плачет, хотя пытается скрыть. Только всё это остаётся где-то снаружи.

А внутри – его рука под моей спиной, другая под коленями, запах металла и дыма, и его подбородок где-то высоко надо мной.

Я должна возмутиться.

Не получается.

– Не спать, – говорит Кейрон.

– Я не сплю.

Глаза закрыты. Технически он прав.

– Лина.

– Что?

– Смотри.

Я открываю глаза. Надо мной проходят балки потолка, потом коридор, потом дверь моей комнаты. Он входит боком, потому что иначе со мной на руках не помещается. Кладёт меня на кровать так осторожно, будто кровать может обидеться.

Я лежу, и даже теперь он кажется огромным.

Он берёт чашку со стола. Вода плещется через край. Чаш-

ка местная, тяжёлая, почти миска. Он смотрит на неё, потом на меня, понимает проблему, ставит обратно и вместо этого берёт маленькую деревянную кружку, которую Борас раздобыл для меня на второй день.

Эта деталь почему-то бьёт сильнее, чем всё остальное.

Он помнит.

Кейрон садится на корточки у кровати. Даже так его лицо выше моего.

– Пей.

Я пью. Вода тёплая. Невкусная. Прекрасная.

– Солдат? – спрашиваю.

– Жив.

– Другие?

– Гор. Борас. Лечат.

– Я могу...

– Нет.

Он говорит это так спокойно, что спорить трудно. Но я всё равно пытаюсь.

– Я могу помочь.

– Ты помогла.

– Там ещё раненые.

– Они живы.

– Откуда ты знаешь?

Он задерживается на мне взглядом.

– Потому что я приказал им жить до утра.

Я фыркаю. Смех выходит слабый, почти кашель.

– Конечно. Очень надёжная медицинская методика.

Он не понимает слов, но понимает интонацию. Уголок его рта едва двигается.

Потом он становится серьёзным.

– Война, – говорит он.

Я знаю это слово. Выучила одним из первых не потому, что хотела, а потому что оно звучит здесь слишком часто.

– Давно? – спрашиваю я.

Он не спешит отвечать. Кажется, считает, сколько слов я пойму.

– Сорок лет.

Сорок.

Я повторяю про себя. Сорок лет. В моём мире за сорок лет человек успевает родиться, закончить школу, влюбиться, развестись, завести ипотеку, вырастить ребёнка, возненавидеть работу, купить дачу, пожалеть о даче. Здесь за сорок лет люди учатся жить с войной так, будто это сезон дождей.

– Ты... – Я ищу слова. – Всегда война?

Его подбородок едва двигается вниз.

– Я был ребёнок. Уже война.

Я смотрю на его руки. На костяшки. На старые шрамы.

– Семья?

Слово простое, но после него воздух меняется.

Кейрон отводит взгляд к окну. Там темно, только дальний огонь факела дрожит в стекле. У него на лице ничего не происходит. Почти ничего. Челюсть чуть крепче сжимается.

– Нет.

Одно слово.

Много закрытых дверей.

Я могла бы спросить. Могла бы полезть туда, куда не звали, потому что усталость делает людей бесцеремонными. Но у меня в памяти всплывает Мирра: не жалеть, видеть.

Я вижу, что нельзя.

– У меня мама, – говорю я вместо этого.

Он откликается сразу.

– Мама?

Слово в лорнском похоже. Не такое, но близкое.

– Да. Мама. Дом. Она не знает, где я.

Я показываю на себя, потом в сторону, где, как мне кажется, водопад. Потом кладу ладонь на грудь и развожу руками.

Кейрон понимает не всё. Но достаточно.

– Больно, – говорит он.

– Да.

Мы молчим.

Это не удобное молчание. Не та пауза, в которой люди просто не знают слов и потому сидят рядом. Это другое. Тяжёлое. В нём есть моя мать, его «нет», раненый солдат внизу, Мирра с засохшим цветком, Борас, который смеётся нарочито громко, чтобы всем было не так страшно.

– Почему орки? – спрашиваю я.

Кейрон медленно моргает.

– Почему война?

Он встаёт. Подходит к окну. Некоторое время молчит, будто мой вопрос глупый. Или слишком большой для ответа одним словом.

– Земля. Вода. Границы. Смерть. Потом ещё смерть.

Очень краткий учебник истории.

– Сорок лет из-за земли?

– Из-за первой крови, – говорит он.

Слово «кровь» я понимаю сразу. «Первая» – по тому, как он проводит рукой, словно отмечает начало.

Первая кровь.

Да. Так войны и становятся вечными: кто-то когда-то умер первым, и с тех пор все остальные умирают следом, чтобы доказать, что первый умер не зря.

Я закрываю глаза.

– Я не хочу быть... – Не нахожу слова «оружие». Показываю руками, как держат меч. – Этим.

Кейрон смотрит на мои руки.

– Нет.

– Что нет?

Он подходит к двери. Останавливается на пороге.

– Ты не должна быть здесь.

Фраза сложнее, чем мои знания. Я понимаю её кусками. Ты. Не должна. Здесь.

Сердце делает неприятное движение. Как лифт, который сорвался на полэтажа.

– Я не должна быть здесь? – повторяю медленно.

Он слышит, как это звучит. На его лице появляется что-то почти раздражённое. На себя, кажется.

– Нет. – Он хмурится, ищет слова. – Здесь... боль. Война. Ты... – Пауза. – Дом.

Я поднимаю к нему лицо.

По тону это не изгнание.

По тону это сожаление.

Но язык всё равно режет.

– Я тоже так думаю, – говорю по-русски.

Он не понимает. Соглашается, будто понял, и уходит.

Дверь закрывается.

Я остаюсь одна в огромной кровати, с телом, которое гудит после магии, с чужим словом «посланница» в ушах и с фразой Кейрона в голове.

Ты не должна быть здесь.

Может, он прав.

Может, именно поэтому я и не могу просто лечь и поверить, что всё это сон.

Потому что во сне люди не дышат после того, как ты сшила их светом.

Наутро Гор приходит ко мне с миской бульона и выражением лица человека, который собирается извиниться, но предпочёл бы умереть.

– Ешь, – говорит он.

– Доброе утро и вам.

Он ставит миску на стол, потом долго смотрит на мои ру-

ки. Я прячу их под одеяло.

– Руки не прятать, – бурчит он. – Руки нужны.

– Мне тоже.

Он фыркает.

На краю миски плавает жирная капля. Бульон пахнет луком, костями и чем-то пряным. Я беру ложку. Ложка великовата для моей руки, но уже не смешит. Местный быт постепенно ломает мои стандарты.

Гор мнётся у двери.

– Солдат жив, – говорит он.

– Я знаю.

– Ночью мог умереть.

– Знаю.

– Ты... – Он морщит лоб. – Хорошо работаешь.

Для него это, кажется, почти признание в любви.

– Спасибо.

Он кивает, потом добавляет:

– Но глупо. Чересчур много. Упала.

– Это не было частью плана.

– План нужен.

С этим трудно спорить.

Он уходит, оставляя дверь приоткрытой. В коридоре слышно, как Борас учит кого-то русскому «нет». Судя по количеству смеха, обучение идёт успешно и разрушительно.

Я ем бульон.

Потом смотрю на свои руки.

Они обычные. Тонкие пальцы, маленький шрам от стекла на правом указательном, сухая кожа у ногтей. Руки фельдшера, которые раньше ставили катетеры, держали бинты, считали пульс, писали отчёты после смены. Теперь ими можно закрыть рану, которую не закрыть ничем другим.

Мне должно быть страшно.

Мне страшно.

И всё равно где-то под страхом лежит чувство, которое я не хочу называть. Опасное до тошноты. Пугающе похожее на смысл.

ГЛАВА 6. ПРАВИЛА ФОРТА

Ступеньку Борас приносит с таким лицом, будто представляет мне не кусок дерева, а родовой меч.

– Лина, – говорит он. – Для кровать.

Слово «кровать» у него получается так, что я сначала слышу «кровь» и напрягаюсь. Потом вижу ступеньку и расслабляюсь.

Она грубая, тяжёлая, из тёмного дерева, с двумя поперечными перекладинами. По бокам Борас вырезал какие-то узоры. Видимо, хотел красиво. Получилось, будто по дереву прошёлся нетрезвый ёж, но старательно.

– Ты сам сделал?

Он расправляет плечи.

– Да.

– Спасибо.

Борас сияет.

Я ставлю ступеньку у кровати, пробую забраться. Работает. Больше не нужно карабкаться на простыни, как диверсант на крепостную стену.

– Хорошо, – говорю.

– Хорошо, – повторяет он. Потом показывает на стол. –

Завтра. Для стол.

– Подставку?

– Под-ста-вку, – повторяет он с удовольствием, не пони-

мая смысла.

Быт, как выяснилось, побеждает панику лучше любых разговоров.

Если у тебя есть ступенька к кровати, маленькая кружка, два комплекта одежды и место за столом, мир уже не совсем чужой. Он всё ещё опасный, огромный и говорит на языке, где одно неправильное ударение может, наверное, превратить «спасибо» в «ослиная печень». Но у тебя есть ступенька.

На следующий день у меня появляется подставка к столу.

Потом маленькая полка для вещей.

Потом крючок у двери на моей высоте.

Крючок становится событием.

Я нахожу его вечером, когда возвращаюсь от Гора, где мы спорили о том, можно ли промывать раны кипячёной водой без травяной настойки. Гор считал, что без настойки вода бесполезна. Я считала, что грязная тряпка под видом настойки ещё хуже. Мы оба плохо знали язык друг друга, поэтому спор выглядел как агрессивная пантомима с тазом.

У двери моей комнаты – новый крючок. Маленький, железный, вбитый в стену примерно на уровне моего плеча. На нём висит мой плащ.

Я стою и смотрю.

Казалось бы, крючок.

Обычный железный крючок.

Но до этого плащ приходилось бросать на стул, потому

что все остальные крючья были где-то под потолком. Кто-то заметил. Кто-то взял молоток, гвозди, железку и потратил пять минут жизни на то, чтобы мне было удобнее.

Я трогаю крючок пальцем.

Он держится крепко.

– Смешно, – говорю сама себе.

Но голос садится.

В столовой отдельная война идёт с поваром.

Повара зовут Руг. Имя честное. Руг высокий, круглый, с руками как окорока и лицом человека, который может накормить армию, а потом этим же котлом пришибить врага. Первые дни он выдавал мне порции, от которых можно было прокормить студенческую общагу.

Я пыталась объяснить, что столько не съем.

Он обижался.

– Плохо? – спрашивал он, хмурясь на свою кашу.

– Хорошо. Много.

– Много хорошо.

– Для тебя хорошо. Для меня смерть.

Борас переводил, как умел. Получалось хуже.

– Лина говорит: еда убивает.

Руг багровел.

Пришлось действовать наглядно. Я взяла пустую миску, насыпала туда столько каши, сколько могла съесть, потом показала на себя. Потом на его порцию. Потом изобразила, как лопаюсь. Дворец драматического искусства потерял в моём

лице великую актрису.

Руг смотрел долго.

Потом забрал миску.

На следующий день поставил передо мной маленькую тарелку. По местным меркам – блюдце. На ней лежали каша, кусок жареного мяса, три ягоды и крошечная веточка зелени для красоты. Каша была выложена аккуратной горкой.

Я посмотрела на Руга.

Он сделал вид, что ему всё равно.

– Хорошо? – спросил он грубо.

Я взяла ложку, попробовала и кивнула.

– Очень хорошо.

Он отвернулся, но я увидела, как у него дрогнули усы.

Теперь каждое утро у меня отдельная тарелка. Иногда с ягодами. Иногда с тонким ломтиком хлеба, намазанным чем-то вроде творога. Один раз Руг вырезал из моркови маленькую звезду. Все сделали вид, что не заметили. Я тоже. Съела первой.

Одежда даётся хуже.

Мои туристические шорты и футболка высохли, но в них я выгляжу так, будто сбежала из очень далёкой психиатрической лечебницы. Местная рубаха удобная, но огромная, и я постоянно наступаю на подол. Мирра присылает ткань через мальчика из деревни. Серо-зелёную, плотную, пахнущую травами. Вместе с тканью – выкройка.

Выкройка нарисована углём на пергаменте. Я смотрю на

неё десять минут и понимаю, что Мирра переоценивает мои таланты.

Шить я умею примерно на уровне «пришить пуговицу и не зашить себе палец». Но выбора нет.

Вечером сажусь у окна, раскладываю ткань на полу, потому что стол слишком высок, и начинаю резать. Ножницы местные, тяжёлые, неудобные. Линии выходят криво. Я ошибаюсь с рукавом, потом с боковым швом, потом случайно пришиваю одну завязку с внутренней стороны.

Борас заглядывает в комнату.

– Что делать?

– Одежду.

Он смотрит на то, что лежит у меня на коленях.

– Хорошо.

– Не ври.

– Хорошо, – повторяет он и показывает большой палец.

Я бросаю в него клубок ниток.

Он ловит, счастливый.

К полуночи получается нечто среднее между платьем, туникой и мешком для картошки. Зато оно моё. По размеру почти. На левом боку шов идёт волной. Подол короче спереди, чем сзади. Рукава разные.

Утром я надеваю это и выхожу во двор.

Первым меня видит Борас.

Он открывает рот. Закрывает. Видимо, выбирает между честностью и жизнью.

– Хорошо, – говорит наконец.

– Ты трус.

– Да, – соглашается он.

Кейрон проходит мимо с двумя солдатами. Останавливается на полшага. Смотрит на моё новое одеяние. Лицо непроницаемое.

Я жду.

Если он скажет что-то вроде «криво», я толкну его. Он не заметит, но морально мне станет легче.

Кейрон произносит:

– Удобно?

Я моргаю.

– Да.

– Тогда хорошо.

И идёт дальше.

У Бораса вид человека, который хочет что-то сказать про «хорошо», но ценит свои зубы.

Распорядок появляется сам.

Утром язык. Борас и ещё двое солдат садятся со мной во дворе. Они называют предметы, я повторяю. Потом я называю предметы по-русски, и они повторяют. Это уже не обучение, а цирк. Особенно когда Руг проходит мимо и вся группа хором кричит ему:

– Кастрюля!

Руг останавливается, смотрит на нас и уходит с достоинством человека, который видел в жизни войны, голод и те-

перь вот это.

Днём я помогаю Гору в лазарете. Он больше не гонит меня, но ворчит постоянно.

– Чистоты лишней не бывает, – говорю я, когда заставляю кипятить инструменты.

– Бывает, – бурчит он. – Травы убивают грязь.

– Кипяток тоже.

– Травы лучше.

– Кипяток не пахнет козой.

Эту фразу я говорю по-русски, потому что не знаю слова «коза». Гор всё равно подозревает оскорбление и щурится.

Через день Кейрон отправляет меня к Мирре. Иногда везёт сам, иногда поручает это Борасу. С Миррой мы учимся видеть повреждения. Она приносит мне то сломанную ветку, то больную курицу, то старого мужчину с воспалённым коленом. Я всё ещё не понимаю, где проходит граница между медициной и магией. Мирра говорит, что границы нет.

– Есть боль. Есть руки. Есть цена.

– Какая цена?

Она изучает меня долго и слишком внимательно.

– Сила. Память. Сердце. Иногда всё.

Отлично. Очень успокаивает.

Вечерами я сижу одна.

Пишу в блокнот всё, что помню. Лорнские слова. Имена. Примерную карту. Водопад. Форт. Деревня Кора. Описание магии. Если я вернусь домой, нужно будет доказать самой

себе, что не сошла с ума. Хотя текст в блокноте вряд ли поможет. Скорее наоборот.

Мысль о маме иногда приходит так резко, что я перестаю дышать.

Не образно. Физически. Сажу, пишу «Мирра – знахарка, грубая, добрая, знает о посланниках», и вдруг представляю маму у телефона. Как она звонит мне первый раз. Второй. Десятый. Как пишет Лене. Как злится, потом пугается, потом звонит в полицию или спасателям в горах. У мамы есть привычка закусывать губу, когда она волнуется. У неё там всегда маленькая трещинка зимой.

Я встаю, хожу по комнате, потом снова сажусь.

Нужно вернуться.

Но как?

Водопад. Мирра. Кейрон. Старые слова. Дар.

Пока ответов нет.

Однажды после обеда я выхожу во двор и попадаю на тренировку Кейрона.

Не на обычную солдатскую. На его.

Он стоит в центре площадки с тренировочным мечом. Без доспеха, в тёмной рубаше, рукава закатаны. Волосы собраны в тугий узел на затылке. Напротив него трое мужчин. Все крупные. Все вооружены деревянными мечами.

Я собираюсь пройти мимо.

Не прохожу.

Первый атакует справа. Кейрон уходит с линии так легко,

будто его тело весит вдвое меньше, чем на самом деле. Меч в его руке описывает короткую дугу – удар по запястью, второй в плечо. Солдат отступает. Второй заходит слева. Кейрон разворачивается, не спеша, почти лениво. Дерево бьёт о дерево. Звук сухой, резкий. Третий пытается зайти со спины.

Кейрон будто знал заранее.

Движение – и третий уже на коленях, меч у горла. Тренировочный, но я всё равно чувствую, как у меня холодеют пальцы.

Он не красивый в движении. Красивое – слово из другого набора, слишком мягкое. Он точный. Собранный. В нём нет лишнего. Даже злости нет. Только знание: сюда шаг, сюда удар, здесь человек падает.

Я смотрю дольше, чем нужно.

Он замечает.

Не останавливается. Только взгляд скользит ко мне на долю секунды и возвращается к противникам. Но мне становится так, будто меня застали за чем-то личным.

Я ухожу.

Почти сразу.

Очень достойно. Если не считать того, что задеваю плечом стойку с копьями, и одно копьё падает с громким стуком.

За спиной кто-то кашляет. Кажется, Борас.

Я не оборачиваюсь.

Письмо от Тайгара приходит на восьмой день после моего первого серьёзного исцеления.

Гонец въезжает в форт ближе к вечеру. Лошадь в мыле, плащ в дорожной пыли, на груди знак, который я уже видела на документах Кейрона: три пересечённые линии в круге. Командование. Главный город. Власть, которая находится далеко, но умеет доставать руками.

Я вижу всё из лазарета. Мы с Гором перебираем бинты. Вернее, я перебираю, а он делает вид, что ему не нравится, хотя уже сам складывает чистые отдельно от грязных.

Кейрон выходит во двор.

Гонец спешивается, отдаёт тубус.

Кейрон ломает печать.

Читает.

Я ещё плохо знаю его лицо, но некоторые вещи уже различаю. Когда он раздражён – у него чуть двигается левая бровь. Когда устал – опускаются плечи, совсем немного. Когда сердится – лицо становится пустым.

Сейчас оно становится пустым.

– Что там? – спрашиваю Гора.

– Не твоё.

– Спасибо за ясность.

Гор вздыхает.

– Тайгар.

Имя я слышала. Борас произносил его осторожно. Мирра – с таким выражением, будто пробует горькую траву.

– Кто Тайгар?

Гор смотрит на меня, оценивает мой словарь, потом гово-

рит:

– Большой командир. Вся война. Все солдаты. Очень большой.

– Тут все большие.

– Он больше.

Замечательно.

Вечером Борас приходит ко мне сам.

У него нет обычной ухмылки. Это сразу плохо.

Мы садимся на ступени у стены, там, где ветер не такой сильный. Небо темнеет, обе луны ещё бледные, как плохо отмытые тарелки. Внизу у конюшни кто-то ругает лошадь. Лошадь отвечает фырканием.

– Тайгар хочет Лину, – говорит Борас.

Я сжимаю пальцы.

– Что значит хочет?

Он морщится, ищет слова.

– Главный город. Армия. Много раненых. Лина лечит.

– Я и здесь лечу.

– Там много.

– Меня спросили?

Борас молчит.

Вот и ответ.

Холодная злость приходит без шума. Внутри всё становится очень ровным.

– Я не инструмент, – говорю я.

Борас не знает этого слова.

Я показываю на тренировочный меч у стены. Потом на себя. Качаю головой.

– Не меч. Не вещь. Я – человек.

Он отвечает быстрым движением головы.

– Знаю. Кейрон знает.

– А Тайгар?

Борас смотрит в сторону командирской башни.

– Тайгар знает войну.

Фраза простая. Страшная.

В кабинете Кейрона горит свет.

Я вижу его силуэт в окне. Он стоит над столом, читает письмо снова. Потом садится. Берёт перо.

Мне хочется пойти туда. Потребовать объяснений. Сказать, что никто никуда меня не повезёт. Что я сама решаю, кому помогать, где жить, когда возвращаться, как дышать.

Но я не знаю достаточно слов.

Это унижает сильнее, чем высокий стул.

Поэтому я возвращаюсь в комнату, открываю блокнот и начинаю писать лорнские фразы.

Я хочу.

Я не хочу.

Я решаю.

Я остаюсь.

Я иду домой.

Дом.

Утром Борас проверяет произношение. Исправляет три

раза, смеётся только один. Прогресс у всех.

Вечером я произношу свою первую длинную фразу.

Мы стоим во дворе: я, Борас и Кейрон. Кейрон только что закончил разговор с гонцом. Гонец уедет на рассвете. Письмо уже запечатано. Я не знаю, что в нём.

Сердце стучит так громко, что мешает говорить.

– Я хочу, – начинаю я.

Кейрон ловит каждое моё движение.

– Я хочу остаться здесь. Пока не найду дорогу домой.

Фраза выходит медленно. С ошибками. С акцентом, от которого, наверное, у Мирры бы заболели зубы. Но выходит.

Борас переводит быстро, хотя Кейрон, кажется, и так понял большую часть.

Кейрон не отвечает сразу.

Он может сказать, что это невозможно. Что приказ Тайгара важнее. Что я не понимаю, как устроен этот мир. Что безопасность, война, долг, командование.

Он ничего этого не говорит.

Кивает.

Один раз.

Коротко.

И я понимаю: в письме Тайгару уже написано то же самое.

Я остаюсь.

Пока.

ГЛАВА 7. ЛЕГЕНДА О МАЛЫХ ПОСЛАННИКАХ

Мирра ставит передо мной чашку с чем-то зелёным и говорит:

– Пей. У тебя лицо, как у рыбы, которую забыли в ведре.

Я понимаю почти всё. Это должно радовать. Вместо этого я смотрю на чашку и думаю, что в моём старом мире пациент с таким цветом жидкости в стакане уже вызывал бы вопросы. Запах у напитка травяной, горький, с тонкой сладостью на краю. В чашке плавает маленький чёрный лист. Или жук. Я решаю считать его листом. В этом мире многие вещи требуют вежливого самообмана.

– Спасибо, – говорю я.

Мирра хмыкает и садится напротив.

Её дом низкий только для местных. Для меня потолок всё равно где-то далеко, под тёмными балками, на которых сушатся пучки трав, полоски коры, связки корешков, похожих на высохшие пальцы. У окна стоит круглый стол. Ножка у него подложена плоским камнем, потому что стол качается. Мирра, кажется, не замечает. На полке у очага лежит клубок синей шерсти, весь в пепле с одной стороны.

Кейрон остался снаружи.

Он сказал, что проверит седло. Седло он проверяет уже

двадцать минут. Даже я, человек из мира машин, понимаю, что седло не требует такого вдумчивого внимания. На самом деле он даёт нам поговорить. Или не хочет слушать, как Мирра произносит слова, которые в этом доме звучат слишком свободно: посланница, война, дар, выбор.

Я держу чашку двумя руками. Она всё равно велика, но уже не пугает. Я привыкла к тому, что в Лорне даже бытовые вещи пытаются поставить меня на место. Стол высокий. Дверная ручка на уровне плеча. Ковш как каска. Мир – как постоянное напоминание: ты не рассчитана на это.

А потом я кладу ладони на сломанную кость, и мир замолкает.

– Сегодня, – говорит Мирра, – ты узнаешь, почему тебя зовут малой.

– Я знаю, почему меня зовут малой.

– Нет. Ты знаешь про рост. Это мало.

Она улыбается, и морщины у её глаз собираются в жёсткие лучи. У Мирры лицо женщины, которая много раз видела смерть вблизи и ни разу не решила, что смерть умнее её. Волосы седые, заплетены в толстую косу. На правом запястье тонкий медный браслет, потемневший от времени. Когда она двигает рукой, он звякает о край стола.

– Три сотни лет назад, – начинает она, – у водопада Аурис нашли человека. Мужчину. Малого. Ростом примерно как ты. Может, чуть выше. Имя его было Арон.

Она произносит имя осторожно. Не торжественно, а так,

как называют больного, который спит в соседней комнате: тише, чтобы не потревожить.

Я отпиваю. Трава дерёт горло. Кажется, лист всё-таки был жуком.

– Он тоже пришёл из моего мира?

– Из-за воды.

– Это не ответ.

– Лучший, который у меня есть.

Мирра тянется к полке и достаёт тонкую деревянную дощечку. На ней вырезан водопад: две линии, расходящиеся вниз, и маленькая фигурка рядом. Фигурка настолько маленькая по сравнению с горами, что выглядит ошибкой резчика. Кто-то когда-то вырезал её остриём ножа, не очень аккуратно. Линия руки у фигурки уходит в сторону, словно человек что-то отдаёт.

– Тогда была Чума Серых Лёгких, – говорит Мирра. – Люди кашляли кровью и умирали за три дня. В деревнях не хватало тех, кто мог копать могилы. Солдаты жгли дома вместе с больными, чтобы болезнь не шла дальше. Не помогало. Огонь тоже уставал.

Я невольно сжимаю чашку.

Болезнь. Эпидемия. Изоляция. Паника. Не мистическая древняя беда, а понятная, мерзкая, медицинская. Я почти вижу: серая кожа, дыхание с хрипом, крованистая пена у губ, люди, которые уже не спрашивают, выживут ли, а только ждут, сколько ещё продержатся.

– Арон лечил? – спрашиваю я.

– Да. Руки светились мягко, как твои. Только у него свет был почти белый. Он не знал нашего языка. Его сначала приняли за ребёнка гор. Потом – за вестника богов. Потом – за обманщика, потому что люди так устроены: если чудо не подчиняется, его хотят наказать.

– Его наказали?

– Пытались.

Мирра кладёт дощечку между нами.

– Он выжил?

– Долго. Достаточно долго, чтобы остановить Чуму. Недостаточно, чтобы остаться.

Я провожу пальцем по краю чашки.

– Он ушёл обратно.

– Да. Через водопад. Говорят, вода открылась для него сама. Он вошёл и исчез. Перед уходом сказал, что когда беда снова станет больше человеческой гордости, придёт другой малый.

Я смеюсь. Сухо, некрасиво. Смех цепляется за горло.

– Удобное пророчество.

Мирра не сердится.

– Удобное для кого?

– Для тех, кому нужен кто-то вроде меня.

– Верно.

Она не спорит. От этого труднее злиться.

Я ставлю чашку на стол. Она глухо стучает о дерево.

– Ты хочешь, чтобы я воевала?

Слова выходят ровнее, чем внутри. За последние недели я научилась говорить по-лорнски на уровне упрямого ребёнка: коротко, прямо, без изящества. Иногда это даже полезно. Меньше шансов спрятаться за вежливостью.

Мирра изучает меня без спешки.

– Я хочу, чтобы ты жила.

– Все так говорят, когда хотят, чтобы человек сделал что-то опасное.

– Да.

Она пододвигает ко мне тарелку с сухими лепёшками. Они тонкие, с тёмными семечками. Я беру одну, потому что руки надо чем-то занять. Лепёшка ломается не там, где я ждала, и крошки падают на платье.

– Послушай меня, Ангелина Соколова. Легенды часто используют как верёвку. Накидывают на шею и ведут, куда нужно. Это правда. Но легенда не становится ложью только потому, что кто-то хочет сделать из неё повод.

Я жую и молчу.

За окном фыркает лошадь. Потом слышится низкий голос Кейрона. Он говорит с кем-то из деревенских, коротко, спокойно. В его голосе нет раздражения. Странно, как быстро я начала узнавать оттенки человека, который по-прежнему говорит меньше всех.

– Я не посланница, – говорю я.

– Хорошо.

– Я фельдшер.

– Это кто?

– Человек, который приезжает, когда кому-то очень плохо. Не врач. Почти врач. Иногда успевает. Иногда нет.

Мирра медленно принимает это, будто наконец нашла недостающий кусок.

– Значит, слово другое. Суть похожая.

– Суть в том, что я не святая.

– Это я вижу.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

Мы смотрим друг на друга, и я вдруг улыбаюсь. Усталость застряла в костях после вчерашнего лазарета, язык болит от чужих слов, в голове всё ещё письмо Тайгара, которого я не видела, но уже ненавижу. И всё же здесь, в доме женщины с кривым столом и чаем подозрительного состава, мне чуть легче дышать.

Мирра встаёт.

– Пойдём.

– Куда?

– Учиться не умирать от чужой боли.

Отличный план на утро.

За домом у неё огород, если это можно так назвать. Для меня это маленькая ферма с грядками по пояс, широкими листьями, влажной землёй и каменной чашей, в которой плавают белые цветы. На заборе сушится мужская рубаша. Она

такая большая, что могла бы быть тентом. Один рукав зацепился за гвоздь и болтается отдельно, как сдавшийся флаг.

Кейрон стоит у калитки. Он поворачивается, когда мы выходим. На нём тёмная походная куртка, волосы убраны в узел. У бедра меч. В руке повод Пегашки – так я уже про себя назвала спокойную кобылу, которую мне подыскали для учебных выездов. На самом деле её зовут как-то вроде Суренны, но Пегашка понятнее. Ей всё равно, она отзывается на морковь.

– Мы ненадолго, – говорит Мирра.

Кейрон коротко склоняет голову.

– Я подожду.

Его внимание возвращается ко мне. Проверяет, жива ли. Мне хочется сказать, что я не стеклянная. Потом вспоминаю, как вчера упала после лечения солдата, и решаю, что стекло хотя бы иногда держится лучше.

Мирра ведёт меня к каменной чаше.

– Дар лечит плоть, – говорит она. – Кость. Кровь. Лихорадку. Это ты уже видела.

Мне хватает короткого движения головы.

– Но есть боль без крови.

Она кладёт ладонь себе на грудь. Медный браслет скользит к локтю.

– Страх. Горе. Стыд. Тоска. Иногда дар слышит и это. Иногда хочет исправить. Нельзя.

– Почему?

– Потому что человек не сломанная чашка. Нельзя просто склеить и радоваться.

Под её пристальным вниманием у меня под кожей становится холодно.

– И потому что дар никогда не берёт из воздуха. Запомни это сейчас, пока не поздно. Простую рану он берёт усталостью. Глубокую – болью. Чужую душу – памятью. Иногда мелкой: запахом дома, словом из детства, лицом человека, которого любила. Иногда большой. А если лечишь против воли – дар идёт криво. Может сжечь, может оставить внутри пустоту.

Я медленно убираю пальцы с чашки.

– Ты говоришь так, будто это уже случилось.

– Случалось. Арон под конец не помнил имени своей матери. Всё ещё лечил. Всё ещё улыбался детям. Но имени не помнил.

У калитки Пегашка тихо фыркает, и этот обычный звук почему-то пугает сильнее легенды.

– Почему ты не сказала раньше?

– Потому что раньше ты лечила пальцы и лошадей. Теперь ты начнёшь лечить войну.

Я смотрю на её руку.

– А помочь можно?

– Иногда. Если умеешь не утонуть.

Она произносит последнее слово так, что я вспоминаю водопад. Тёплую плотную воду. Свет внутри. Три секунды па-

дения и белизну, в которой у меня будто вынули из груди старое сердце и положили другое, неподходящее по размеру.

– Как?

– Сначала учишься слышать. Потом – закрываться.

– Это звучит наоборот.

– Многие полезные вещи звучат наоборот.

Она берёт мою руку. Её ладонь широкая, сухая, шершавая от трав и работы. Моя в её руке выглядит детской. Я уже почти перестала раздражаться от этого. Почти.

– Положи сюда.

Она кладёт мою ладонь себе на грудь, прямо над сердцем.

Я дёргаюсь.

– Мирра...

– Слушай.

– Я не умею.

– Умеешь. Ты просто думаешь, что умение должно выглядеть красиво.

Это нечестно. И слишком точно.

Я закрываю глаза.

Сначала ничего. Только тепло её тела через плотную ткань. Медленное дыхание. Где-то рядом звякает упряжь Пегашки. Кейрон что-то говорит лошади. Лошадь отвечает вздохом. В траве шуршит мелкая живность. Я думаю о том, что в Екатеринбурге сейчас, возможно, дождь, грязь у подъезда и мама покупает кефир в магазине у дома. Мысль приходит ни к чему. Только приходит.

Потом под моей ладонью раскрывается тишина.

В ней есть звук. Очень дальний. Как если приложить ухо к двери и услышать, что за ней кто-то плачет, но не хотеть подслушивать.

Я вижу не картинку. Скорее чувствую: пустой угол комнаты. Низкая кровать. Детская чашка с трещиной. Сухая злость, давно остывшая, но не выброшенная. И дорога. Долгая, чужая дорога на восток.

Я открываю глаза.

Мирра задерживает взгляд так, будто впервые видит не легенду, а меня.

– Ты потеряла кого-то, – говорю я.

Голос у меня чужой.

– Недавно. Нет... не умер. Ушёл. Ты злишься. Но больше – ждёшь.

Лицо Мирры не меняется. Только пальцы на моей руке сжимаются сильнее.

– Сын, – говорит она.

Я не нахожу ответа.

– Три года назад ушёл к оркам. Сказал, что не будет воевать за воду, которой хватит всем, если перестать считать её честью. Глупый мальчишка. Ему было двадцать семь. Уже мужчина, а всё равно мальчишка. Я не знаю, жив ли.

Я должна сказать: не знаю. Так правильно. Так безопасно. Так честно.

Но дар уже поднялся в груди, тихий, розоватый, тёплый.

Он тянется не к её боли, а к той тонкой нити, что уходит куда-то далеко. Через горы. Через сухую землю. Через тёмные палатки, чужой язык, дым над кострами.

– Жив, – говорю я.

Мирра резко выдыхает.

Я убираю руку.

– Я не знаю, откуда это знаю.

– Дар знает дороги, которые мы не видим.

– Я могла ошибиться.

– Могла.

Она смотрит на каменную чашу с цветами. Один цветок перевернулся вниз лепестками и плавает как маленькая уто-нувшая лодка.

– Но я тебе верю.

От этих слов мне становится хуже. Лучше, но хуже.

Я отступаю на шаг. В ладони покалывает. Будто я держала её дольше, чем нужно над огнём. Кейрон у калитки делает полшага вперёд, потом останавливается. Я держу глаза в стороне. Не хочу видеть, сколько он заметил.

– Вот почему опасно, – говорит Мирра уже обычным голосом. – Ты услышала мою боль и захотела дать мне ответ. Ответ может спасти. Может сломать. Теперь я буду ждать иначе. Это тоже твоя ответственность.

– Я не просила такую ответственность.

– Никто не просит. Её замечают, когда она уже сидит за столом и ест твой хлеб.

Я почти говорю резкость. Сдерживаюсь. Не потому, что Мирра неправа. Потому что права.

Мы возвращаемся в дом. Мирра достаёт из сундука свёрнутую ткань и какие-то старые записи на тонких коричневых листах. На них линии, знаки, рисунки ладоней. Я понимаю мало, но узнаю схему: тело, каналы боли, места, где дар входит легче. Медицина Лорны. Не моя, но близкая по смыслу. Люди везде рисуют тело, когда боятся его потерять.

– Заберёшь, – говорит Мирра.

– Это твоё.

– Было моё. Теперь твоё тоже. Будешь читать с Борасом. Если он не поймёт, пусть приведёт Гора. Если Гор начнёт спорить – ударь его по голени. Он уважает уверенность.

– У нас так не обучают.

– Поэтому у вас всё сложно.

Кейрон стучит в дверной косяк костяшками пальцев. Даже этот звук у него тяжёлый.

– Мирра.

В его голосе что-то не то.

Она поднимает голову.

– Что?

Он входит не сразу. На пороге задерживается, потому что дверь для него низкая. Приходится склонить голову. Я раньше смеялась бы про себя над этим. Сейчас не смеюсь. У него лицо слишком закрытое.

– Гонец из форта, – говорит он. – С восточного поста при-

шла птица. Орки собирают большой отряд. Два дня пути от северной тропы.

Мирра медленно выпрямляется.

– Когда выходишь?

– На рассвете.

Я понимаю не всё. Но достаточно.

Северная тропа. Орки. Отряд. Рассвет.

– Ты едешь? – спрашиваю я.

Кейрон задерживает взгляд на моём лице.

– Да.

– Сколько людей?

– Двадцать.

Он не спрашивает, зачем мне это. Уже знает.

Мирра складывает записи обратно в ткань и протягивает мне.

– Возьми.

– Нет, – говорит Кейрон.

Одно слово. Сухое, как удар по доске.

Мирра поворачивает голову.

– Это не тебе решать.

– Она не готова.

– К войне никто не готов.

– Она не воин.

– Она целительница.

– Поэтому и не должна быть там.

Они говорят друг с другом так, будто меня нет. Я стою

между огромным командиром и огромной знахаркой, с чужими записями в руках и злостью, которая поднимается тихо, аккуратно. Очень знакомая злость. Такая была, когда врач на вызове говорил при пациенте: «Девочка, отойди», а потом именно эта девочка вытаскивала человека из отёка лёгких.

– Я здесь, – говорю я.

Они оба замолкают.

Хорошо.

Я поворачиваюсь к Кейрону.

– Раненые будут?

Он не отвечает.

– Будут?

– Возможно.

– Нет. Будут.

Бровь у него едва двигается.

– Это опасно.

– Я заметила. В вашем мире даже стул опасен.

Мирра фыркает. Кейрон не улыбается.

– Ангелина.

Он произносит моё имя уже почти правильно. Ударение всё ещё чуть странное, но это имя. Не «малая». Не «посланица». Мне бы радоваться. Я злюсь ещё сильнее.

– Если я останусь, – говорю я медленно, подбирая слова, – кто будет лечить?

– Гор.

– Гор хороший. Но без дара.

– У нас были войны до тебя.

– И много умерло?

Тишина у него получается упрямой.

Вот и ответ.

Я делаю шаг к нему. Он и так выше настолько, что моя попытка приблизиться выглядит смешно. Но я всё равно делаю.

– Я не меч. Не вещь. Не приказ. Но я умею лечить. Если твои люди пойдут туда, где их будут резать, я поеду тоже.

– Ты не понимаешь орков.

– Я понимаю кровь.

Слова повисают между нами.

Кейрон не сразу отводит глаза. Я уже знаю этот взгляд. Он не злится. Он считает потери. Он видит тропу, засаду, стрелы, моё тело, слишком маленькое для любой брони, и пытается найти способ, при котором я останусь цела и при этом перестану быть собой. Невозможная задача. Даже приятно, что он старается.

– Скажи ей, – говорит Мирра.

Кейрон не отводит взгляда от меня.

– Что?

– Что если она поедет, ты поставишь её в середину отряда, дашь двух людей охраны и будешь рычать на каждого, кто подойдёт ближе трёх шагов.

– Я не рычу.

– Конечно.

В другое время я бы улыбнулась. Сейчас нет.

Кейрон медленно выдыхает.

– Ты едешь не как боец.

– Я знаю.

– Не отходишь от Бораса без приказа.

– Борас будет счастлив.

– Не споришь в бою.

– Если приказ глупый?

– Ангелина.

– Ладно. Спорю после боя.

Его внимание задерживается на мне ещё несколько секунд. Потом отвечает коротким движением головы.

Я знаю этот кивок. Он означает, что решение принято и спорить с ним уже поздно. Впервые этот кивок работает в мою пользу.

Мирра суёт мне в руки свёрток с записями и ещё маленький мешочек.

– Сушёная корка ринна. Жевать после исцеления. Не вкусно, но держит ноги под телом.

– Звучит ужасно.

– Работает.

Кейрон уже выходит. На пороге останавливается.

– На рассвете.

– Я поняла.

Он хочет сказать ещё что-то. Я вижу это по тому, как его

пальцы на мгновение сжимаются на косяке. Но он ничего не говорит. Лишь выходит к лошадям.

Мирра подходит ко мне и поправляет край моего рукава. Жест почти материнский, но резкий, без лишней мягкости.

– Боишься?

– Да.

– Хорошо.

– У вас странные способы утешать.

– Страх – полезный зверь. Главное – не отдавать ему поводок.

Я кладу записи в сумку. Они пахнут пылью, травами и чужой историей.

В форт мы возвращаемся молча. Кейрон едет позади меня, хотя обычно держится впереди. Наверное, следит, чтобы я не упала. Или чтобы я не передумала. Пегашка идёт ровно, мягко, иногда косит назад ухом, будто тоже участвует в разговоре, которого нет.

У ворот форта уже суета. Солдаты проверяют ремни, точат лезвия, выносят мешки с сухой едой. Борас видит меня, поднимает руку, потом замечает лицо Кейрона и руку опускает.

– Что случилось? – спрашивает он.

– Я еду с вами.

Борас переводит взгляд на Кейрона.

– Он разрешил?

– Он проиграл.

Борас улыбается медленно, с наслаждением человека, который будет помнить эту фразу всю жизнь.

– Я хочу знать это слово: проиграл.

– Потом научу.

Кейрон проходит мимо нас.

– Борас.

– Да, командир.

– Она будет под твоей защитой.

Борас сразу перестаёт улыбаться.

– Понял.

– Если с ней что-то случится...

– Не случится.

Они смотрят друг на друга без шуток.

Я вдруг понимаю, что для них это уже война. Не будущая, не завтрашняя. Она вошла во двор вместе с гонцом, письмом, северной тропой. Я стою посреди форта с сумкой Мирры, в плохо сшитом платье, с руками, которые светятся, когда кто-то рядом на грани смерти. И меня впервые берут не потому, что я проблема.

Потому что я нужна.

Ночью я почти не сплю. Собираю вещи три раза. Разбираю. Опять собираю. В мешок идут записи Мирры, сухие корки ринна, запасная рубаха, фляга, маленький нож, который Гор сунул мне со словами «не для драки, для бинтов», и блокнот из моего мира. Тот самый, в котором я писала лорнские слова.

На последней странице я вывожу по-русски: «Не героизировать».

Смотрю на фразу.

Ниже добавляю: «Но и не прятаться».

Так честнее.

На рассвете двор форта Ауриэль пахнет лошаадьми, холодным железом и кашей, которую никто не доел. Двадцать солдат стоят у ворот. Кейрон впереди. Борас рядом со мной, уже верхом, бодрый до неприличия.

– Готова? – спрашивает он.

Я смотрю на тропу, уходящую вниз, туда, где лес темнеет слишком плотно.

– Нет.

– Хорошо, – говорит Борас. – Значит, честно.

Кейрон поднимает руку.

Ворота открываются.

И я выезжаю из форта не гостем, которого нашли у водопада.

Целительницей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЗАПАХ ВОЙНЫ

ГЛАВА 8. МАРШ

Пегашка не знает, что идёт на войну.

Это, наверное, лучшее в ней с самого утра. Она идёт спокойно, переставляя огромные копыта по каменной дороге, иногда всхрапывает и тянется к кустам, которые считает завтраком. Для неё поход – это трава, повод, вес седла и странная маленькая женщина сверху, которая слишком крепко держится коленями.

Для меня поход – это попытка не думать, что если я упаду, то сделаю это с высоты второго этажа.

– Расслабь ноги, – говорит Борас.

– Я расслаблена.

– Ты держишься как клещ.

– Клещ живёт долго.

Он смеётся.

Я уже еду не впереди Кейрона, не в его руках, не как найденная диковинка, которую надо куда-то доставить. У меня своя лошадь, свои поводья и собственный ужас. Последнее особенно важно. Ужас, который принадлежит тебе, легче держать в кулаке.

Пегашку выбрали за терпение. Она пегая, широкая, с тёмным пятном на морде, похожим на след от грязной ладони. В форте её называют Суренна, что означает что-то вроде «тихая вода». Я пробовала. У меня вышло «сырая вода». Лоша-

ди было всё равно, солдатам нет. Теперь при мне её зовут Суренна, а в голове она Пегашка, и это наш маленький межмировой компромисс.

Двадцать солдат идут растянутой линией. Не громко, не красиво, без песен и глупой бравады. Проверяют ремни на ходу. Перебрасываются короткими словами. Один поправляет стрелы в колчане каждые десять минут, как человек, который не доверяет ни ремню, ни судьбе. Другой всё время трогает деревянный амулет у горла. У третьего на шлеме вмятина, заклёпанная медной пластиной. Пластина смотрится нелепо, почти празднично.

Кейрон едет во главе.

Ни разу не оглядывается.

Сначала это злит. Потом я замечаю другое: когда дорога становится круче, отряд замедляется сам, без команды. Когда тропа проходит у осыпи, Борас оказывается ближе к моему боку. Когда ветка бьёт меня по плечу, следующий солдат молча отводит такие ветки рукой. Никто не смотрит на Кейрона. Значит, приказ был раньше.

Он не оглядывается, потому что уже всё устроил.

Это раздражает ещё сильнее.

Дорога уходит от форта вниз, потом вдоль склона. Лорна снаружи крепости больше, чем я помнила. В форте большой мир был ограничен стенами, воротами, высокими столами и огромными людьми. Здесь всё распахнуто. Деревья поднимаются так высоко, что шея устаёт смотреть. Трава местами

достаёт мне до колена даже верхом. Между камнями растут фиолетовые цветы размером с миску. На одном сидит насекомое с прозрачными крыльями и телом как оловянная ложка.

Я смотрю на него дольше, чем нужно. Потом отворачиваюсь, потому что если оно взлетит в мою сторону, я могу опозориться перед всем отрядом.

– Это кусается? – спрашиваю Бораса.

Он щурится.

– Что?

Я показываю.

– А, жужельник. Нет. Только плюётся.

– Чем?

– Кислым.

– Прекрасно.

– Не трогай.

– У меня не было такого плана.

Борас довольно кивает, будто только что спас мне жизнь.

Я учу язык быстрее, чем думала. Может, из-за дара. Может, из-за страха выглядеть беспомощной. Мозг цепляется за слова, как за ступени. На скорой я тоже так училась: сначала действия, потом термины, потом понимание, почему именно так. В Лорне всё наоборот: сначала жест, потом боль, потом чужое слово, которое надо успеть поймать, пока кто-то не умер.

К полудню мы останавливаемся у ручья.

Солдаты не садятся сразу. Сначала двое уходят вверх по течению, двое вниз. Один проверяет берег длинным копьём. Я смотрю на это и вспоминаю туристические прогулки: люди фотографируют воду, смеются, едят сыр из пластиковых контейнеров. Здесь никто не достаёт телефон. Телефонов нет. Зато есть тишина, в которой каждый щелчок ветки может означать стрелу.

Я спешиваюсь с помощью Бораса. Точнее, он снимает меня с седла, как сумку, и ставит на землю.

– Я могу сама.

– Можешь, – соглашается он.

– Тогда зачем?

– Быстрее.

С этим трудно спорить, поэтому я делаю вид, что оскорблена, и иду к ручью.

Вода холодная. Я умываюсь, и пальцы на секунду немеют. В отражении лицо выглядит уже не совсем моим. Кожа темнее от солнца. Волосы убраны в кривую косу. На щеке маленькая царапина от ветки. Одежда лорнская, сшитая мной плохо, но уже привычная. Только родинка над губой возвращает мне старую Лину – ту, что стояла в ванной в Екатеринбурге и думала, что ей пора купить нормальный крем для лица, потому что двадцать три – это, конечно, не возраст, но кожа всё помнит.

Я вдруг скучаю по своей ванной.

Мысль. Белая плитка, треснувшая у батареи. Синяя зуб-

ная щётка. Мамино сообщение: «Купи хлеб». Всё это существует где-то без меня. Или уже три недели ищет меня. Вре-
мя здесь и там может идти одинаково, а может нет. Я не знаю.
Никто не знает. Водопад молчит.

– Ангелина.

Кейрон стоит в трёх шагах. Я не слышала, как он подошёл.
Для мужчины ростом почти три метра он двигается непри-
лично тихо.

– Что?

– Ешь.

Он протягивает мне свёрток. Внутри хлеб, тонкая полоска
сушёного мяса и кусок сыра.

– Я не голодна.

Он смотрит.

Я беру свёрток.

– Спасибо.

– После исцеления тебе нужны силы.

– Я ещё никого не лечила.

– Будешь.

Он говорит это спокойно. Ставит факт на землю между
нами. Я хочу спросить, как он живёт с такой уверенностью в
плохом. Но, наверное, если сорок лет люди вокруг уходят на
войну, а потом возвращаются не все, плохое перестаёт быть
возможностью. Оно становится частью маршрута.

– Ты всегда так? – спрашиваю я.

– Как?

– Говоришь, будто уже видел конец.

Он смотрит в сторону леса.

– Я видел много концов.

Тут нечего ответить. Я откусываю хлеб. Он плотный, кисловатый, с тёмной коркой. Есть не хочется, но тело благодарно. Тело в этом мире мудрее головы. Оно давно поняло, что пафос не кормит.

– Воды хочешь? – спрашиваю я, поднимая свою флягу.

Кейрон переводит взгляд на флягу, потом на меня.

– У меня есть.

– Ну ладно.

Обычная фраза. Почти глупая. И почему-то после неё воздух становится легче.

Он уходит к передним дозорным. Я остаюсь у ручья и доедаю хлеб. Борас с другого берега показывает мне большой палец. Я показываю ему кулак. Он радуется, как ребёнок.

После полудня дорога меняется.

Лес темнеет. Деревья растут плотнее, корни выходят наружу толстыми жилами. Тропа узкая, иногда лошади идут гуськом. Ветки цепляют плечи солдат, скребут по шлемам. Здесь меньше птиц. Или они молчат. Лошадь подо мной становится внимательнее: уши вперёд, шаг короче. Борас перестаёт болтать.

Кейрон вдруг оказывается рядом.

Я не сразу понимаю как. Он был впереди. Потом тропа расширилась у каменного выступа, отряд перестроился, и

его лошадь идёт слева от Пегашки. Большая, тёмная, с узкой белой полосой на лбу. Кейрон держит лицо чуть в сторону. Едет рядом.

Километр. Второй. Третий.

Молчание не давит. Это неожиданно.

Раньше рядом с ним я всё время ощущала его размер. Сейчас тоже ощущаю, конечно. Трудно забыть о человеке, чей сапог на уровне твоего бедра, когда ты верхом. Но размер перестаёт быть угрозой. Он становится частью пейзажа: скала, дерево, Кейрон.

Не стоит говорить ему это. Он вряд ли оценит.

– Ты устала? – спрашивает он наконец.

– Нет.

Он смотрит на мои руки. Я тут же разжимаю пальцы на поводьях.

– Немного.

– Скажешь, если нужно остановиться.

– Отряд не будет останавливаться из-за меня.

– Будет.

Сказано без нажима. От этого я опять злюсь.

– Я не хочу быть причиной задержки.

– Уже стала.

Я резко поворачиваю голову.

Он смотрит вперёд.

– Мы идём медленнее, – продолжает он. – Берём больше воды. Два человека охраны рядом с тобой. Маленькая палат-

ка. Другая еда. Это уже произошло. Вопрос не в том, мешаешь ли ты. Вопрос в том, зачем ты здесь.

– И зачем?

– Чтобы те, кто будет ранен, имели шанс.

Слова не идут.

Иногда он говорит так, что спорить невозможно. Бесит.

Тропа снова сужается. Кейрон уходит вперёд, будто разговора не было. Борас подъезжает ближе.

– Что сказал?

– Что я мешаю.

– Нет. Он сказал, что ты важная.

– Ты не слышал.

– Я знаю Кейрона.

Борас улыбается краем рта.

– У него все хорошие слова похожи на камни. Надо разбивать.

Я смотрю на спину Кейрона. Широкие плечи, тёмный узел волос, меч у бедра. Камень – хорошее слово. Но в камне иногда есть рисунок, если знать, куда смотреть. Я не хочу знать. Это плохая мысль. Очень плохая.

Вечером лагерь ставят в низкой ложбине между скалами. Для меня ложбина не низкая, а вполне себе каменная крепость без ворот. Солдаты двигаются быстро. Двое к лошадям. Двое за водой. Трое к костру. Кто-то ставит сторожевые нити с маленькими костяными пластинками: если кто-то пройдёт, они звякнут. Практично. Неприятно. Красиво в

своей грубой логике.

Мою палатку вытаскивают из тюка.

Она действительно маленькая. По местным меркам – смешная. По моим – почти нормальная. Сшита из кусков старого плаща и плотной ткани, швы неровные, но прочные. На входе кто-то вышил кривую птичку. Или лошадь. Или картошку с крыльями.

– Это сделал ты? – спрашиваю Бораса.

Он гордо кивает.

– Красиво.

– Что это?

– Птица.

Хорошо, что я не сказала про картошку.

Внутри палатки спальный мешок, маленький фонарь и свёрток с моими вещами. Всё аккуратно. Слишком аккуратно для Бораса.

– Кто складывал?

– Я.

– Правда?

– Нет.

– Кейрон?

Борас делает лицо человека, которого внезапно заинтересовал костёр.

– Я ничего не знаю.

– Конечно.

Я сажусь у входа в палатку и снимаю сапоги. Ноги гудят.

Между пальцами пыль. На пятке мозоль, хотя сапоги мне подгоняли три дня. Я достаю кусок ткани, протираю кожу, думаю, что в старом мире за такую стерильность меня бы выгнали из любого процедурного кабинета. Здесь выбора меньше. Здесь если у тебя есть кипячёная вода – ты уже почти в цивилизации.

У костра раздают еду. Густая похлёбка в деревянных мисках, хлеб, сушёные ягоды. Я сажусь рядом с Борасом. Рядом садится молчаливый солдат по имени Торн. У него длинный шрам через подбородок и привычка есть так сосредоточенно, будто похлёбка может убежать. Он кивает мне.

– Посланица.

– Ангелина, – поправляю я.

Он задумывается.

– Анг-ли-на.

– Почти.

– Сложное имя.

– Вашу лошадь зовут Суренна-эль-вар, и вы жалуетсяь?

Торн смотрит на Бораса. Борас переводит шёпотом и сам начинает смеяться на середине. Торн после перевода тоже смеётся, тихо, беззвучно, плечами. Это не остроумный разговор. Люди едят у костра и пытаются не думать о завтрашнем дне.

Мне становится теплее.

Позже, когда стемнело, Борас рассказывает о себе. Слова у него простые, подстроенные под мой язык. Я понимаю по-

что всё.

– Я пришёл в форт в шестнадцать. Маленький был.

Я смотрю на его два метра шестьдесят один сантиметр.

– Конечно.

– Правда маленький. Худой. Мать умерла. Отец пил. В форте давали еду. Я думал: поем, вырасту, уйду.

– Не ушёл.

– Кейрон поймал.

– Как?

– Сказал: «Ты хорошо стреляешь. Остайся».

– И всё?

– Мне было шестнадцать. Иногда этого хватает.

Он ковыряет палкой землю у костра.

– Потом форт стал домом. Люди стали... – он ищет слово, морщит нос. – Не кровь. Но рядом.

– Семья?

– Да. Семья без мамы и с плохой кашей.

– Понимаю.

– А твой дом?

Я смотрю на огонь. В лорнском языке у меня пока мало слов для Екатеринбурга. Большой город. Много каменных домов. Железные повозки без лошадей. Лечебная служба, которая приезжает, когда человек зовёт. Мама. Подруга. Квартира на восьмом этаже, где иногда пахло соседским борщом. Работа, где все устали, ругаются, пьют холодный чай и всё равно выходят на следующий вызов.

Я рассказываю как могу. С жестами, с ошибками, с паузами. Борас слушает без улыбки. Только один раз переспрашивает про машины, потому что мысль о повозке без лошади кажется ему неприличной.

– Твой дом хороший? – спрашивает он.

Я долго думаю.

– Да. Но я не всегда была там хорошей.

– Дом не для хороших. Дом для живых.

Я ловлю себя на том, что ищу ответ в его глазах.

– Ты иногда говоришь умные вещи.

– Не рассказывай никому. У меня репутация.

Костёр трещит. В темноте кто-то тихо точит нож. Две луны поднимаются над скалами, одна выше, другая бледнее. Свет у них странный: не серебряный, как в книгах, а молочный, размытый. Ночные птицы кричат где-то в лесу. Звук похож на виолончель, которую кто-то учится мучить.

Я лежу в палатке, но сон не приходит. Палатка пахнет старой тканью и дымом. Спальный мешок слишком тёплый. Камень под бедром напоминает о себе каждые пять минут. Я переворачиваюсь, считаю вдохи, вспоминаю лица раненых, пытаюсь не думать об орках. Конечно, думаю.

В конце концов вылезая наружу.

Холод бьёт по лицу. Костёр почти погас. Большинство спит. Дежурные тени стоят у края лагеря. Я делаю несколько шагов, осторожно, чтобы не задеть сторожевые нити.

– Ты должна спать.

Я вздрагиваю и едва не наступаю на пластинку.

Кейрон сидит на камне у склона. В темноте он кажется ещё больше. Не человек, а часть скалы, которой дали глаза и меч.

– Ты должен носить колокольчик, – шепчу я.

– Зачем?

– Чтобы маленькие люди не умирали от страха.

Он проводит большим пальцем по краю ремня. Потом угол его рта едва заметно дрогает.

Я подхожу ближе.

– Не могу спать.

– Боишься?

– Да.

– Хорошо.

– Мирра уже сказала.

– Она часто права.

– Это раздражает.

– Да.

Я сажусь на соседний камень. Он холодный, и я сразу жалею, но вставать глупо. Между нами расстояние в полтора шага. Для него – мало. Для меня – достаточно, чтобы помнить размер его руки, когда он подхватывал меня в лазарете.

Мы смотрим на луны.

Я хочу спросить про Релу. Не спрашиваю. Это не та ночь. Не мой вопрос. Пока.

– Ты жалеешь? – говорит Кейрон.

– О чём?

– Что поехала.

Я думаю.

– Ещё нет.

– Завтра можешь.

– Тогда завтра и решу.

Он принимает это без слов. Ему нравится практичность.

Я уже заметила.

Долгое время мы молчим. Ночные звуки становятся отдельными: потрескивание углей, дыхание лошадей, тихий кашель Торна, далёкая вода внизу. В этой тишине рядом с ним почему-то не надо быть смелой. Не надо ничего доказывать. Можно просто сидеть и мерзнуть на камне, потому что сон всё равно не идёт.

– У нас в мире, – говорю я, – перед тяжёлой сменой я тоже не спала. Думала: вдруг завтра не справлюсь.

– И справлялась?

– Не всегда.

Он поворачивает голову.

Я смотрю на луны.

– Иногда человек всё равно умирает. Даже если ты всё делаешь правильно. Это самая мерзкая часть работы.

– Да.

Одно слово. Но он понимает.

Я чувствую это кожей.

Через несколько минут он снимает с плеча короткий плащ

и протягивает мне.

– Замёрзла.

– Нет.

Он смотрит.

Я беру плащ.

Ткань тяжёлая, тёплая, пахнет дымом, металлом и чем-то хвойным. Я укрываюсь, и плащ накрывает меня почти целиком, как одеяло. Кейрон снова смотрит на луны. Я тоже.

Никаких слов больше не нужно.

Когда я возвращаюсь в палатку, Борас сонно приподнимает голову у костра.

– Всё хорошо?

– Да.

– Ты украла плащ командира?

Я смотрю на плащ на своих плечах.

– Он сам дал.

Борас улыбается, даже не открывая глаз.

– Ещё лучше.

– Спи.

– Слушаюсь, маленькая гроза.

Я ложусь. Камень под бедром всё ещё на месте. Плащ Кейрона пахнет слишком заметно. Сон приходит не сразу, но уже не кажется врагом.

Утром мы идём дальше.

ГЛАВА 9. ПЕРВАЯ КРОВЬ

Засада начинается с птицы.

Она вылетает из кустов слева. Маленькая, чёрная, с красной полосой на крыле. Только птица. В другой жизни я бы даже не заметила. Здесь все замечают.

Кейрон поднимает руку.

Отряд останавливается так быстро, будто кто-то выдернул из него звук. Лошади замирают. Борас рядом со мной перестаёт улыбаться, хотя секунду назад рассказывал мне, как однажды Торн перепутал лекарскую мазь с соусом к мясу. Я не успела понять, чем закончилась история. Наверное, плохо.

– Что? – шепчу я.

Борас не отвечает. Он уже снимает лук.

Кейрон разворачивает лошадь чуть боком. Его лицо стало другим. Не злым. Пустым. Как чистая доска перед тем, как на ней напишут приказ.

Лес молчит.

И это молчание оказывается неправильным.

Потом справа глухо щёлкает тетива.

Стрела ударяет в щит переднего солдата с таким звуком, будто кто-то топором врубился в дверь. Лошадь шарахается. Пегашка делает скачок в сторону. Я хватаюсь за гриву, повод, воздух – за всё сразу.

– Вниз! – кричит Борас.

Я не понимаю, это мне или всем, но он уже рядом. Его рука хватается меня за пояс и сдёргивает с седла. Мир переворачивается. Земля ударяет в колени, потом в ладонь. Больно. Не смертельно. Нет времени обидеться.

Борас толкает меня за валун.

– Здесь! Жди!

– Борас...

– Жди!

Слово я знаю слишком хорошо.

Он исчезает.

Валун большой, серый, холодный. Я прижимаюсь к нему спиной и впервые слышу бой.

Не как в кино. Не как в книгах. Никакой музыки, никакой понятной красоты, никаких героических выкриков, которые можно разобрать. Металл бьёт по металлу, лошади хрипят, кто-то падает с тяжёлым звуком, который тело узнаёт раньше головы. Люди кричат коротко. Орки кричат ниже. Их голоса идут через землю, через камень, через мои рёбра. Будто сам склон решил рычать.

Я сижу за валуном и держу сумку Мирры на груди.

Жди.

Очень разумный приказ. Целительница, маленькая, без брони, без умения держать меч, должна сидеть за камнем и ждать, пока большие вооружённые мужчины решат проблему.

Логично.

Я ненавижу это всей душой.

Слева что-то ломается. Ветка или кость. Я не хочу знать. Пегашка визжит где-то позади. Или другая лошадь. Я вдыхаю пыль, мокрую землю, острый запах страха. Он правда пахнет. Кисло, животное, без романтики.

Кто-то падает рядом с валуном.

Не рядом. Совсем рядом.

Я вижу сапог. Потом руку, которая скребёт по земле. Пальцы срывают мох. Солдат пытается подтянуться, но не может. К нему подбегает другой, молодой, почти мальчишка по лицу, хотя ростом как шкаф. Тащит раненого за плечи к моему камню.

– Помощь! – кричит он.

Это слово я тоже знаю.

Я выглядываю.

Раненый – Торн.

Тот самый молчаливый солдат со шрамом на подбородке и нелепой медной пластиной на шлеме. Пластина теперь сорвана. На бедре у него рана, из которой кровь идёт толчками. Быстро. Слишком быстро. Артерия.

Жди, сказал Борас.

Торну осталось минут десять. Меньше, если сердце решит работать хорошо.

Я вылезаю из-за валуна.

Молодой солдат хватает меня за плечо.

– Нельзя!

– Держи его! – кричу я.

Он не понимает сразу.

Я показываю на бедро, на его руки.

– Держи! Сильно!

Медицинский голос работает на любом языке. Видимо, он слышит не слова, а приказ. Падает на колени и прижимает Торна к земле.

Я сажусь рядом. Руки дрожат ровно одну секунду. Потом нет.

Рана глубокая, косая. Край ткани втянут внутрь. Кровь горячая, скользкая, слишком много. У меня нет жгута нормального размера. Есть ремень на сумке. Я срываю его, затягиваю выше раны. Торн стонет, выгибается.

– Прости, – говорю я по-русски.

Потом по-лорнски:

– Больно. Живи.

Плохая грамматика. Хороший смысл.

Я кладу ладони на рану.

Дар приходит сразу, но не как дома у Мирры, не как в лазарете. Здесь он вырывается из меня, будто его тоже напугали. Розовый свет вспыхивает между пальцами. Молодой солдат отшатывается.

– Держи! – ору я.

Он держит.

Я вхожу в рану не глазами. Внутри кровь, разорванная мышца, сосуд, который надо закрыть первым. Я знаю это не

так, как знала анатомию по учебнику. Я вижу путь. Сначала давление. Потом тепло. Потом собрать края, заставить ткань вспомнить форму. Не всё. Нельзя тратить дар на красоту. Только жизнь.

Торн хрипит.

– Дыши, – говорю я. – Дыши, чёрт тебя возьми.

Он, конечно, не знает, кто такой чёрт. Зато дышит.

За моей спиной что-то огромное ударяет в землю. Молодой солдат резко поднимает голову. Я не могу. Если я отпущу сейчас, сосуд снова откроется.

Металл. Крик. Низкий орочий рёв.

Я чувствую движение рядом, тень падает на нас. Молодой солдат поднимает меч одной рукой, второй всё ещё держит Торна. Я успеваю подумать, что это глупо и очень храбро.

Потом над нами оказывается Кейрон.

Не помню, как он подошёл. Он существует рядом, и этого хватает. Меч в руке, плечи закрывают половину мира. Орк перед ним выше даже его. Серо-зелёная кожа, чёрные косы, широкий рот с нижними клыками. У него на груди кожаный доспех, на плече след от старого ожога. В руке топор.

Это первый орк, которого я вижу вживую.

Я должна испугаться больше. Наверное, пугаюсь. Но под ладонями у меня открытая артерия, и страх ждёт в очереди.

Кейрон и орк сталкиваются без слов.

Удар такой сильный, что у меня закладывает уши. Кейрон отводит топор, разворачивается, бьёт коротко, не красиво, в

бок. Орк рычит. Молодой солдат у моих ног шепчет что-то быстрое, молитву или ругань. Я держу рану.

Сосуд закрывается.

Кровь перестаёт идти толчками.

Я не убираю руки ещё несколько секунд. Проверяю. Тепло расходится по ткани. Мышца тянется, смыкается. Не идеально. Потом Гор будет ругаться, но Торн сохранит ногу. И жизнь.

Я отнимаю ладони.

Мир качается.

– Жив, – говорю я.

У молодого солдата лицо такое, будто я только что достала из воздуха солнце.

– Жив? – переспрашивает он.

– Жив. Дави повязку. Вот так.

Я показываю. Он кивает быстрее, чем надо.

Кейрон заканчивает бой с орком в тот момент, когда я пытаюсь встать. Я не вижу удара. Только результат: орк падает на одно колено, потом на бок. Земля дрожит.

Кейрон оборачивается.

Его взгляд находит меня.

Сначала быстро: голова, плечи, руки, кровь. Потом Торн. Потом мои ладони.

Я жду крика.

Он не кричит. Это хуже.

– За камень, – говорит он.

Тихо. Смертельно.

– Ещё раненые?

– Ангелина.

– Есть ещё раненые?

На его лице появляется расчёт: будто я сама стала частью боя, которую надо обезвредить.

Слева кричат:

– Борас!

Я поворачиваюсь раньше, чем думаю.

Борас стоит на ногах, но держится за плечо. Стрела торчит неглубоко, слава всем местным богам. Он ругается так долго, что даже без полного знания языка я восхищаюсь. Рядом с ним другой солдат лежит на боку, зажимая живот.

Я иду туда.

– Назад! – говорит Кейрон.

– Нет.

Слово маленькое. Очень удобное. Спасибо Борасу, что выучил первым именно его.

Я подбегаю к солдату. Его зовут, кажется, Эран. Или Эрин. Вчера он дал мне сушёные ягоды и сказал, что они кислые, потому что жизнь должна воспитывать характер. Сейчас у него в животе длинный разрез, кровь тёмная, много, но не фонтан. Плохо. Не мгновенная смерть. Значит, работаем.

– Борас, сядь! – бросаю я.

– Я отлично стою!

– Сядь, или я скажу Кейрону.

Он садится.

Даже в бою работают вечные методы.

У Эрана мутные глаза.

– Маленькая...

– Ангелина.

– Ангелина.

– Вот. Уже лучше.

Я не знаю, слышит ли он юмор. Возможно, нет. Руки сами ищут края раны. Дар идёт тяжелее: Торн забрал много. Я достаю из сумки корку ринна, засовываю в рот. Вкус такой, будто я жую старую аптечку с землёй. Мирра, конечно, не шутила.

– Держи края, – говорю Борасу.

– У меня стрела.

– Второй рукой.

Он подползает, бледный под веснушками, и держит.

Вокруг бой стихает. Или отходит. Я не разбираю. Для меня сейчас весь мир – рана под ладонями. Кожа, мышца, внутренняя кровь. Найти повреждение. Остановить. Не тратить лишнее. Не пытаться сделать как было. Сделать, чтобы жил.

Дар пахнет здесь странно: медью, озоном и мокрым камнем. Свет просачивается между моими пальцами, отражается в глазах Бораса. У него дрожит нижняя губа. Не от страха за себя.

– Он умрёт? – спрашивает он тихо.

– Нет, если ты перестанешь говорить.

– Понял.

Эран теряет сознание. Это даже хорошо. Тело меньше мешает.

Я работаю долго. Может, пять минут. Может, час. Когда убираю руки, рана закрыта, но кожа вокруг белая, слабая. Ему нужен покой. Чистая повязка. Вода. Гор. Нормальный лазарет. У нас есть лес, грязь и моя сумка.

– Жив, – говорю я.

Борас закрывает глаза.

– Хорошо.

– Теперь ты.

– Это царапина.

– Стрела в плече не царапина.

– У нас разные мерки.

– Сядь ровно.

Стрелу вытаскивать нельзя без причины. Я осматриваю. Неглубоко, наконечник прошёл под кожей и вышел почти у лопатки. Повезло. Борас бледнеет, когда я говорю, что придётся резать ткань.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.